

Трилогия «НЕГАСИМЫЙ СВЕТ»

ЛОВЦЫ ВИДЕНИЙ

ДЭННИС ФУН

Негасимый Свет

Дэннис Фун

Ловцы видений

«Этерна»

2003

Фун Д.

Ловцы видений / Д. Фун — «Этерна», 2003 — (Негасимый Свет)

Первая книга трилогии «Негасимый Свет» – самого известного и захватывающего романа в жанре фэнтези в Северной Америке за последнее десятилетие. Главному герою в пятнадцать лет предстоит пройти через тяжелые испытания, столкнуться с невероятными приключениями, измениться самому и изменить окружающий мир.

© Фун Д., 2003

© Этерна, 2003

Содержание

НЕГАСИМЫЙ СВЕТ	5
У ДРУЗЕЙ	10
АДЕПТ	19
СУДЬБА ПРОРОКА	29
РАЗДАЧА ДАРОВ	36
ЗЛАТОКУДРАЯ ЖЕНЩИНА	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дэннис Фун

Ловцы видений

Книга посвящается Ширли Луизе Висе

НЕГАСИМЫЙ СВЕТ

*В СКРЫТОЙ ОТ МИРА ДОЛИНЕ
НАРОД НЕГАСИМОГО СВЕТА
СУМЕЛ ПЕРЕЖИТЬ КАТАСТРОФУ.
СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ ЛЕТ НАРОД
ЖИЛ БЕЗ ГОРЯ И ЗАБОТ,
ПРЕДОСТАВЛЕН САМ СЕБЕ.
В ИЗОЛЯЦИИ ОТ ВСЕХ,
ЛЮДИ ВЕРИЛИ В УСПЕХ.
ВЕДЬ НАДЕЯТЬСЯ – НЕ ГРЕХ.
НО ПРИШЛА И К НИМ БЕДА –
ЧАСА МНОГО ИНОГДА,
ЧТОБ ИСЧЕЗНУТЬ НАВСЕГДА.
КНИГА НАРОДА НЕГАСИМОГО СВЕТА*

Снежный сверчок прыгал по обрушившейся каменной стене между двумя тлевшими зданиями. Он остановился, повел усиками, потом соскочил на впечатанный в снег след. Сверчок перескакивал с одного следа на другой, двигаясь мимо запорошенных валунов, пока не остановился у куста ежевики. Там он устроился под колючками на небольшом сугробе, покрытом красновато-бурыми пятнами.

Белый сверчок долго сверчал на одной ноте свою ворожащую песню. Через некоторое время сугроб будто вздрогнул, и под снегом стало возможно разглядеть пару раскрытых глаз. Это были глаза мальчика по имени Роун.

Затаив дыхание, Роун к чему-то прислушивался. Где-то вдали зловеще каркали вороны. Мальчик совершенно околел. Он решил сесть, и тут вдруг что-то как хрустнет! Он затаил дыхание, испугавшись, что его заметят.

Перед ним возникает искаженное мукой лицо отца.

«Скорее, Роун, скорее, шевелись, сынок, давай, быстрее!»

Чьи-то руки тянут его вверх с такой силой, что рвется одежда. Его сестра Стоув вся дрожит, прижимая к телу соломенную куклу. Мама целует его, что-то говорит им с сестрой, а потом выталкивает Роуна и Стоув в распахнутое окно.

«Бегите отсюда! Схоронитесь в синих кустах! Бегите! Скорее убегайте!»

Снова что-то хрустнуло и задело Роуна по ноге. Это подтаявший снег упал с куста ежевики. Вокруг царил безмолвие, и мальчик решил медленно встать на ноги, так чтобы никто его не заметил в зарослях кустарника. Голова Роуна раскалывалась от боли, удары сердца гулко отдавались в висках, в волосах запеклась кровавая корка. С тихим стоном он отковырнул кусочек и взглянул на струп запекшейся крови.

С другой стороны холма к небу вздымался дым. От селения, которое они называли Негасимый Свет, не доносилось ни звука. Не было слышно ни голосов, ни криков. Ему отчаянно хотелось взглянуть на селение, хотя он до смерти этого боялся. Роун сделал несколько глубоких вдохов, чтоб унять стук сердца, которое, казалось, вот-вот выскочит из груди. Аккуратно отцепив от одежды ежевичные шипы, он пополз по снегу к вершине холма. Вдруг мальчик что-

то заметил на снегу. Прижимаясь к земле, он медленно полз среди жестких высохших бурых стеблей травы. На снегу лежала любимая кукла Стоув, как шалью окутанная пурпурной тканью, которую сестра выкрасила в этот цвет сама. Копыто коня вбило куклу в смерзшуюся грязь. Дрожащей рукой мальчик поднял с земли дорожную его сердцу игрушку.

Крики. Взрывы. Озверевшие налетчики, лица их скрыты масками, повсюду носятся на конях, размахивают факелами, все крушат и сжигают на своем пути. Со стороны деревни доносится жуткий, леденящий душу рокот, как будто сотни голосов звучат в унисон.

Задыхаясь, спотыкаясь, скользя по обледеневшей земле, Роун и Стоув сломя голову несутся к спасительным синим кустам ежевики, холодные стебли замерзшей травы стегают их по ногам. Раздается душераздирающий вопль. Стоув впивается ногтями в ладонь Роуна, жуткая красная маска склоняется над ними, и сильная рука отрывает девочку от земли. Всадник в маске бьет Роуна по окровавленной руке... Стоув изо всех сил тянется к брату, но всадник взмахивает костяной булавой и с силой обрушивает ее вниз.

Волнуясь от нахлынувших чувств, Роун дрожащей рукой положил сломанную куклу в карман. Он уже близко подполз к разрушенной крепостной стене Негасимого Света. За ней виднелись разбитые и опустошенные остовы глинобитных домов с деревянными перекрытиями, над которыми вился дымок. Всадников нигде не было видно. Над деревней нависла злобная тишина.

Охваченный тяжелым предчувствием, он подползал все ближе к деревне, потом вскочил, подбежал к сорванным с петель воротам и спрятался в руинах. Немного успокоившись и уняв дрожь во всем теле, Роун приподнялся, чтобы лучше разглядеть родное селение, и тут рядом с ним мелькнула чья-то черная тень. Он в страхе пригнулся, ожидая смертельного удара. Но его не последовало. Какое-то время мальчик выжидал, потом снова выглянул из укрытия. За воротами носились в воздухе стаи ворон, вороны сидели на развалинах жилищ, повсюду валялись черепки битой посуды, обгорелые плетеные корзины.

«Как же они нас нашли?» – мелькнуло у него в голове.

* * *

Роун сморщился от едкого запаха, бившего в нос, который доносился от Дома Общины. Там догорала панель солнечных батарей. На создание одной такой батареи уходили годы. А теперь от них ничего не осталось...

Тлели руины домов, повсюду царило зловещее безмолвие. На посыпанных гравием дорожках виднелись следы людей, которых куда-то волокли. Мимо Храма, через Форум к Огненной Дыре. Скрепя сердце, Роун прошел еще несколько шагов. Непомерная тяжесть лежала на душе. Его отец каждый год произносил согражданам речь с того места, где теперь стоял мальчик.

«Мы не должны ничего забывать. Огненные Дыры, подобные этой, возникли тогда, когда началось Безумие. Земля, ослабленная Мерзостью, обезобразившей ее лик, изрыгнула свое нутро, стремясь залечиться... Многие из нас тогда погибли. Когда выжженная земля охладилась, пришли Отцы-основатели. Многие Дыры были зарыты, но эта осталась нетронутой, ее кипящие воды никто не остудил. Вокруг этой Дыры Отцы-основатели и построили селение, в центре которого стоит наше главное святилище. И мы никогда не забудем, кем были раньше. Раз в год – в День Поминовения – эти каменные ворота распахиваются, и мы проводим этот день в посте и молитвах, вспоминая о том, почему разошлись наши пути. Это место – самое святое в Негасимом Свете».

Самое святое место в Негасимом Свете... Оказалось, что наша память не имела значения. Они все равно нашли нас.

Омерзительно воняло. Ветер вихрил клочья одежды – женскую блузку, рваные мужские шорты. Заметив изношенный кожаный залатанный башмак, мальчик чуть не упал – этот ботинок постоянно чинил его отец. Он, должно быть, где-то тут, совсем рядом... Роун до рези в глазах всматривался в разбросанные камни. Над Огненной Дырой летали вороны. Мальчик перелез через каменную ограду, окружавшую святилище.

Первое, что бросилось ему в глаза, была прядь волос, зацепившихся за край Дыры, и кусок кожи на белом черепе. На поверхности кипящей воды плавали кости. Человеческие кости. Сотни человеческих костей покрывали воду в Дыре, покачивались на кипящих волнах, сталкиваясь друг с другом. Ноги Роуна подкосились, взгляд затуманился – здесь были все, кого он знал и любил... Пошатываясь на неверных ногах, мальчик уходил от проклятой ямы. В горле першило, на глаза наворачивались слезы.

Ноги стали как ватные. Он опустился на колени, уперся лбом в твердую глину, пытаясь произнести слова молитвы, которой учил его отец, молитвы по усопшим, последнего прощания, напутствия при отходе в мир иной. Губы шевелились, но говорить он не мог – слишком много здесь было душ человеческих...

Он долго стоял на коленях, упершись лбом в землю, а вокруг него вился дым пожарища.

* * *

Роун пришел в себя от странного звука, раздавшегося рядом. Он поднял голову и вздохнул полной грудью. У него на плече сидел белый сверчок.

Пора возвращаться домой.

Потрясенный, все еще сжимая в руках отцовский башмак, Роун шел по посыпанной гравием дорожке мимо руин, где еще совсем недавно жили его друзья и родные. Он знал здесь каждый дом – соседи часто приглашали его перекусить, поиграть со сверстниками, просто зайти в гости на огонек. А теперь от всех строений остались лишь остовы.

По какому-то странному стечению обстоятельств целым осталось лишь их жилище. Но входная дверь, которую мама украшала с такой любовью, была разнесена в щепки. Он очень гордился маминым мастерством. Роун с трудом сдерживал свои чувства, осторожно переступив оскверненный порог собственного дома. Внутри все было сокрушено вдребезги – и бабушкины стол со стульями, и покрытые цветной глазурью чашки, и миски брата его дедушки. Папины книжные полки лежали на полу, повсюду валялись книги.

Роун прошел в свою комнату. Она вся была перевернута, вещи раскиданы, поломаны, разорваны, разбиты. Он опустился на корточки и коснулся рукой кровати. Она чудом уцелела – мама делала ее на совесть. Мальчик поставил кровать на место, положил на нее шерстяной матрас, застелил скомканными простынями. Потом лег, подтянул коленки к груди и опустошенно устался в стену.

Его народ сажал сады, врачую больную землю, люди заботливо и с любовью относились друг к другу, делили поровну все, что имели. Здесь нечего было грабить, но налетчики все равно к ним нагрянули. После разрушительного набега все было потеряно. Все пропало.

ПЯТНИСТАЯ БУРАЯ КРЫСА С ДЛИННЫМ РОЗОВЫМ ХВОСТОМ СИДИТ НАПРОТИВ РОУНА. ОНИ В КАКОЙ-ТО ДОЛИНЕ, ГДЕ ВМЕСТО ЗЕМЛИ СУХАЯ ЖЕЛТАЯ ГЛИНА, СОЛНЦЕ ПОЧТИ ЗАКАТИЛОСЬ ЗА КРАСНУЮ ЛИНИЮ ГОРИЗОНТА. КРЫСА ПОДНЯЛА ГОЛОВУ.

«ВРЕМЯ ПРИШЛО. УХОДИ ПРЯМО ТЕПЕРЬ. НЕ МЕШКАЙ».

Роун вскочил, мгновенно очнувшись от странного видения. Оно совсем не было похоже на сны, которые он видел раньше. Но мама всегда говорила ему, чтобы к таким явлениям он относился очень серьезно. В этом странном видении ему было сказано, что надо немедленно уходить. Он должен идти прямо сейчас.

Мальчик поднял с пола половицу – под ней у него был тайник. Он вынул из тайника коробочку, в которой лежали оставшиеся от прадедушки пять серебряных монет, каждой из них было больше двухсот лет. Там же лежал в ножнах искусно сделанный кинжал, который папа подарил ему в прошлом месяце в день пятнадцатилетия. Роун привязал его к голени кожаным ремешком. Штанина так прикрыла его, что разглядеть кинжал было невозможно.

Оглядевшись, он заметил мамин рюкзак. Туда сложил простыни, потом стал собирать в дорогу припасы – наполнил фляжку водой, нашел остатки сушеных продуктов, аккуратно положил в боковые карманы рюкзака папин ботинок и куклу сестры. И в этот момент он услышал вдали странный звук.

Поначалу почти неслышный, стрекот становился все громче и громче. Роун подскочил к окну. По дорожке, посыпанной гравием, всего футах в трехстах от него, какой-то мужчина ехал на странном устройстве, которое Роуну доводилось видеть только на картинках. Называлось оно «мотоцикл». Водитель был облачен в свободную черную накидку, ветер отбрасывал назад его длинные волосы, заплетенные в косы. Он направлялся прямо к дому Роуна. Мальчик спрятался под опрокинутой книжной полкой, упиравшейся в стену. Укрывшись там, он почувствовал какое-то шевеление в кармане. Оказалось, там угнезвился белый сверчок! Подъехавший на мотоцикле мужчина вошел в дом. Роун затаил дыхание и тихо вынул из ножен кинжал.

– Какой разгром... – тихо проговорил вошедший.

Роун понял, что он перебирает разбросанные по полу книги. Незнакомец протянул руку под опрокинутую полку, ощупывая пол. Когда чужак ухватил разорванную пополам книгу и потянул ее к себе, Роун крепко сжал кинжал в руке.

– Меня зовут Святой. А как твое имя?

Роун замер.

– Здесь случилась жуткая, невообразимая трагедия. Ты как?

Роун выбрался из укрытия и отскочил к двери.

– Эй, эй, тебе не надо... – крикнул Святой и направился к мальчику.

Людей таких огромных размеров Роуну еще видеть не доводилось. Он бешено размахивал перед собой кинжалом, отступая к двери. Убежать к ежевичным кустам и снова там схорониться он уже не мог. Вместо этого мальчик со всех ног бросился к дорожке, по которой всегда бегал с друзьями. Она шла к восточной стене, а оттуда напрямик вела к Мертвому Лесу.

* * *

Мертвый Лес простирался на многие мили, деревья все еще тянулись ввысь, хотя зелеными там были только мох и лишайники. Дедушка рассказывал ему, что деревья умерли еще тогда, когда разбомбили химический завод, стоявший выше по реке. Роун больше всего любил сажать деревца и рассаду растений, помогавших возрождать зараженную землю, и мог проводить за этим занятием долгие часы. Но вернуть Мертвый Лес к жизни не получалось.

За спиной раздался шум двигателя. Времени было в обрез. Роун уже успел добежать до ствола Большого Дупла – огромного дерева высотой под сотню футов, которому было, наверное, лет триста, если не больше. Как и у других деревьев в этом лесу, у него давно сгнила вся сердцевина, изнутри оно было полым. Роун отогнул кусок коры, вырезанный им с друзьями еще несколько лет назад, залез внутрь полого дерева, а потом аккуратно закрыл отверстие, чтобы снаружи ничего не было заметно.

Роун ухватился за первую из опор, которые они с ребятами вырезали в оставшейся под корой древесине, и стал подниматься вверх, к вершине, где все было залито светом. Рядом с каждой опорой было вырезано имя одного из друзей: Макс, Эста, Лем, Рольф, Эйден. Он вспомнил, как вшестером они карабкались к вершине дерева, как вместе смеялись и радовались, что у каждого столько друзей. Больше этого не будет никогда... Добравшись до самого

верха, он бросил взгляд на место, отведенное сестре. Там было вырезано большими буквами: Стоув. Она всегда занимала именно это место. Он подался вперед, любовно провел пальцем по контуру буквы С. Где она теперь? Он чувствовал, как горит его рука в том месте, где она за нее ухватилась, чтобы остаться с братом.

Карабкаясь к вершине, Роун весь вспотел. Добравшись до цели, он осторожно высунул голову там, где верхушка дерева была обломана. В небе ярко сияло солнце, он сел на сплетенное из канатов сиденье, которое они все вместе здесь так давно укрепили. Мальчик до рези в глазах осматривался по сторонам. Ищет ли еще его незнакомец или уже уехал? Роун решил здесь отсидеться до темноты и уйти уже под покровом ночи. Но куда ему было идти? Ни разу в жизни он не покидал пределов долины, где стояла их деревня. Он понятия не имел о том, что лежит за ее пределами. Но мальчик твердо знал: оставаться здесь нельзя – дом его навсегда уничтожен.

И тут он увидел преследователя. В сотне футов внизу Святой медленно ехал на мотоцикле между деревьев. Роун понимал, что незнакомец выследил его по отметинам на лишайнике, по примятой траве. Он слишком быстро бежал, чтоб успеть замести следы.

Когда Святой подъехал прямо к Большому Дуплу, Роун убрал голову и прижался спиной к стенке деревянного колодца. Сердце его было готово выскочить из груди! А вдруг чужак найдет скрытый в коре лаз? Взметнувшийся снизу поток воздуха стал ответом на его вопрос.

– Я не причиню тебе зла, – крикнул снизу мужчина, лицо которого скрывала глубокая тень. – Я видел дым. Это твой дом там сгорел?

– Да.

– Я одену тебя и накормлю. После всего пережитого тебе не помешает обзавестись надежным другом.

– Да в порядке я! Оставь меня в покое!

– Нет, не могу, – ответил Святой. – Один ты здесь погибнешь.

Бросив взгляд вниз, Роун увидел, что Святого там уже нет.

И в этот миг дерево качнулось, хоть ветра не было. Потом огромный ствол снова накрепко накренился, закрипел, по всему дереву как будто пробежала дрожь. Мальчик испугался, ухватился за деревянную опору и вдруг понял: дерево раскачивал Святой. Но разве может один человек опрокинуть такое гигантское дерево? Хоть оно давно умерло и корни его сгнили, это было под силу двум или трем очень сильным мужчинам, но никак не одному. Хотя Святого нельзя было назвать обычным мужчиной – он был в два раза больше, чем отец Роуна.

Старые корни треснули, и дерево стало заваливаться набок. Большое Дупло неотвратимо падало, а вместе с ним вниз падал Роун. Он уже не мог удерживаться руками наверху – его тело моталось из стороны в сторону и билось о стенки полого ствола.

У ДРУЗЕЙ

*ДРУГ ДАЛ ЕМУ МИР.
ПРОРОК ЕГО ВЗЯЛ.
ОН МИРУ ВЕЩАЛ.
ДЛЯ ТЕХ, КТО ВНИМАЛ,
ОН СТАЛ КАК КУМИР,
И БРАТСТВО ДРУЗЕЙ ОН СОЗДАЛ.
ИСТОРИЯ ДРУГА В ИЗЛОЖЕНИИ ОРИНА*

ПУМА СИДИТ ПОСРЕДИ ПОЛЯ, ПОКРЫТОГО НИЗКОРОСЛОЙ ЗЕЛЕННОЙ ТРАВой, ЗА НЕЙ ТЕЧЕТ ИСКРЯЩАЯСЯ РЕКА, ЯРКО СВЕТИТ СОЛНЦЕ, ПРОГРЕВАЯ ТЕПЛЫЙ ВОЗДУХ. ПОБЛИЗОСТИ С ОГРОМНОЙ кошкой РАСПОЛОЖИЛАСЬ ПЯТНИСТАЯ БУРАЯ КРЫСА, ОНИ ПРИСТАЛЬНО СМОТРЯТ ДРУГ НА ДРУГА.

РЯДОМ С НИМИ ПОЯВЛЯЕТСЯ СТАРУШКА С ДВУМЯ РОЖКАМИ НА ГОЛОВЕ, С ТЕЛОМ КОЗЫ.

«КАЖЕТСЯ, ОН ПРОСЫПАЕТСЯ?»

КРЫСА ВЗДРАГИВАЕТ.

«ОН ПРОСНУЛСЯ».

ПУМА ВЫЛИЗЫВАЕТ СЕБЕ ЛАПУ, ПОТОМ СМОТРИТ НА СТАРУШКУ-КОЗОЧКУ
«ЕЩЕ СЛИШКОМ РАНО. ОН НЕ ГОТОВ».

«НИЧЕГО НЕ ПОДЕЛАЕШЬ...»

СТАРУШКА-КОЗОЧКА ВЗДЫХАЕТ.

«МОЖЕМ ЛИ МЫ ЕГО КУДА-НИБУДЬ ПЕРЕПРАВИТЬ?»

«ЗДЕСЬ ДЛЯ НЕГО САМОЕ БЕЗОПАСНОЕ МЕСТО».

ПУМА СМОТРИТ НА КРЫСУ.

«КАК НАМ ЕГО ЗАЩИТИТЬ?»

«МЫ ВРЯД ЛИ СМОЖЕМ ЭТО СДЕЛАТЬ», – ГОВОРIT СТАРУШКА-КОЗОЧКА.

КРЫСА ВСТАЕТ.

«У НАС НЕТ ВЫБОРА».

Роун очнулся от резкого запаха благовоний. Он был жив. А когда дерево падало, мальчик был уверен, что погибнет. Снова эта крыса ему привиделась. Какое послание ему хотели передать через это видение? В кармане рубашки зашебурился снежный сверчок. Все тело Роуна болело, хотя вроде переломов не было и ничего не распухло. Взгляд его слабо различал предметы в помещении, где он находился, – стены в нем были из какой-то черной ткани. Его, должно быть, положили в шатер.

Он попытался приподняться, чтобы лучше оглядеться, и в этот момент, откинув шерстяной полог, в шатер вошел сухопарый юноша.

– Ну наконец-то ты очухался!

Он странно, не мигая, рассматривал Роуна.

– Что ты на меня так уставился?

– Прости, – сказал юноша. – Я не хотел тебя обидеть. Зашел узнать, может ты проголодался?

Роун смутился:

– Где я?

– У друзей.

– Сколько я здесь нахожусь?

– Почти два дня прошло, как тебя сюда привезли. Где-то так. Тебе, должно быть, сильно досталось, – ответил парень. Ростом он не вышел, был зеленоглаз, в кости тонок, выглядел чуть старше Роуна. – Меня здесь зовут Поваренком, я тут всех кормлю. – Поваренок протянул Роуну миску с какой-то темной, на вид жидкой похлебкой. – Это картошка с требухой.

– Какой еще требухой?

– Овечьи потроха. Ты пожуй их, пожуй и выплюни. Все так делают.

Роун чуть не с омерзением уставился на странное варево. В Негасимом Свете жители пили овечье молоко, стригли овец и пряли их шерсть, но самих животных не ели никогда.

– Когда поешь, к тебе зайдет Святой, – сообщил Поваренок.

Святой. Это ведь тот детина, который свалил мертвое дерево. Он, должно быть, его сюда и привез. Роун с отвращением понюхал похлебку, но пахла она заманчиво. А громкое бурчание в животе настойчиво напомнило о том, что у него уже давно не было во рту даже маковой росинки. Он зачерпнул ложку варева, зажмурился и попробовал непривычную еду. Мальчик с трудом проглотил содержимое первой ложки, но вторая прошла уже легче, а после третьей он все быстро доел. Потом вытер губы, тяжело встал и отдернул вязаный полог, прикрывавший вход в шатер.

Помещение, где он оказался, было значительно просторнее, посреди него возвышался высокий шест, поддерживавший своды шатра. Какое-то время глаза привыкали к тусклому свету свечей, потом в противоположной стороне помещения он увидел Святого, сидевшего к нему голой спиной. Такого мощного тела Роуну в жизни видеть не доводилось, казалось, оно состоит только из мышц и сухожилий. Тем не менее сидел Святой в изящной позе лицом к алтарю, скрестив ноги на вязаном коврикe, и был погружен в состояние глубокой медитации. Роун, ожидая, рассматривал тускло освещенную статую – главный объект поклонения в этом святилище. Статуя изображала мужчину, вскочившего на спину быку, за ноздри оттянувшего ему голову назад и всадившего в шею животного нож. На хвосте быка сидел ворон, а у ног его расположились змея, скорпион и собака. В тишине при мерцающем свете свечей Роун озадаченно размышлял над загадочным смыслом скульптурных изображений.

Святой склонился к дымившим благовониям, взмахнул руками, направляя дым в свою сторону, и глубоко вдохнул. Роун заметил, что обе руки огромного мужчины от запястий до локтей покрыты елочкой тонких белых шрамов. Святой резко обернулся и упер в Роуна пристальный взгляд глубоко посаженных глаз. Роун не отводил взгляда и гадал, что именно Святой хочет в нем разглядеть. В конце концов Святой отвел глаза, надел рубашку и как ни в чем не бывало произнес:

– Ты уж меня извини, что я доставил тебя сюда в таком виде, но другой возможности не было. Ты не выжил бы там один.

– Я сам должен был принять такое решение.

– Нет, – ответил Святой. – Наша вера такого не позволяет.

– А эта статуя тоже часть вашей веры? – спросил Роун, кивнув в сторону алтаря.

– Она составляет суть нашей религии. Друг убивает быка, сокрушает зло и творит жизнь. Мы, как и он, боремся со злом и питаем жизнь.

– Поэтому ты не мог оставить меня помирать одного?

– Именно так.

– А когда со мной все будет в порядке, ты меняпустишь?

– Поживи с нами некоторое время, – сказал Святой с легкой улыбкой. – Прими наше гостеприимство и восстанови здоровье. Ты многому можешь научиться у меня и моих последователей.

Святой, конечно, не собирался его обидеть, но Роун почему-то чувствовал к нему недоверие. В голове вертелось слишком много вопросов. Что делал Святой в Скрытой от Мира Долине? Откуда он узнал, где найти Роуна? И почему он так хотел, чтобы Роун здесь остался?

Мальчик подозревал, что Святой как-то связан со случившейся в Негасимом Свете ужасной трагедией, и ему очень хотелось во всем разобраться.

– Хорошо, – сказал Роун, – на какое-то время я здесь останусь.

– Тогда ты должен назвать мне свое имя.

– Роун.

– Ты жил в том доме?

– Да, – ответил Роун. – Ты взял оттуда все, что хотел?

– Я захватил с собой несколько книг. Кому они принадлежали?

– Моему отцу.

– Он умел читать?

– Конечно.

– А тебя он читать научил?

– И он, и мама моя.

Святой насупил брови. В его голосе послышалось почтение:

– Твоя мама тоже умела читать?

Роун озадаченно кивнул.

– Получается, в Негасимом Свете читать умели все?

– Да.

– Поразительно, – пробормотал Святой.

– Почему?

– Ты, должно быть, никогда не покидал свое селение и долину, в которой оно располагалось, ведь так?

Роун насторожился и ничего не ответил.

– Если бы тебе довелось странствовать, ты узнал бы, что читать умеют совсем немногие, – сказал Святой. – Люди с опаской относятся к учению.

Это заявление поставило Роуна в тупик, но он не подал вида. В Негасимом Свете почти никогда не говорили о том, что находится за пределами долины, и ему даже в голову не приходило спросить почему. Интересно, что еще от него скрывали?

– Почему же к знаниям относятся с подозрением? – спросил он.

Святой вздохнул:

– Считается, что вся Мерзость пошла от книжной учености.

– А ты так не думаешь?

– Я виню в этом людей. – Святой придвинулся к Роуну поближе и чуть наклонился. – У тебя есть редкий дар, ценность которого возросла еще больше после того, как не стало твоего народа. Поделись им со мной. Научи меня читать, Роун из Негасимого Света.

Роун смекнул, что обладает знанием, нужным Святому. Стоило ли делиться с ним этим знанием? Если Святой хотел научиться читать для каких-то грязных целей, это могло привести к очень тяжелым последствиям. Но Роун вспомнил, что часто повторял ему отец: *Чтение нужно так же, как дыхание, потому что слова – как воздух.*

– Я раньше никого не учил, – опасливо произнес Роун.

– У меня хватит терпения. Может быть, это займет у нас много времени, но я уверен – ты справишься! Помоги мне в этом деле. И конечно, мы заранее договоримся, как я тебя отблагодарю.

Роун осторожно подбирал слова:

– Ты уже дал мне пищу и кров над головой, – сказал он.

– Я лишь помог человеку в беде, – неспешно проговорил Святой, пристально глядя на Роуна. – Есть, наверное, и другие страждущие. Может статься, ты не единственный из жителей селения, кому удалось уцелеть...

Роун не смог унять дрожь, волной пробежавшую по телу.

Святой вскинул брови:

– Согласен? Так ведь могло случиться? Против своей воли Роун прошептал:

– Могло, наверное.

Лицо Святого озарила улыбка.

– Научи меня читать, и если там остался кто-нибудь живой, мы его найдем.

«Если остался кто-то живой...» От этих слов Роуна снова бросило в дрожь. Его вдруг охватила такая ярость, что он не в силах был ее скрыть.

– Мое предложение тебя разозлило?

– Нет, оно мне кажется... справедливым, – с трудом выговорил Роун.

– Ты, должно быть, подумал о том, что сделали с твоим народом?

Роун лишь кивнул – говорить он был не в состоянии.

– Ты хочешь отомстить.

Роун явственно представил, как он нашел убийц народа Негасимого Света, прятавших лица под масками; представил себе, как бьет их дубинкой, а потом бросает их, вопящих от ужаса, в Огненную Дыру. Он безуспешно старался отогнать от себя эти жуткие мысли. Слишком сильна была его ненависть! Мальчик взглянул на сидевшего перед ним гиганта, и ответ вырвался сам собой:

– Да.

Снежный сверчок встрепенулся в кармане рубашки и суетливо зашебурился под сердцем.

– В этом я тоже могу тебе помочь, – сказал Святой. – Я научу тебя Пути Друга. Ты узнаешь, что он всегда там и тогда, где и когда нам нужно.

Какое-то время мальчик и мужчина в молчании смотрели друг на друга.

– Ну что, Роун из Негасимого Света, договорились?

– Договорились.

Святой улыбнулся и похлопал Роуна по плечу.

* * *

Лагерь располагался на возвышенности, с которой открывался вид на обширную долину. С высившейся вдали горы текла полноводная река. На выгуле паслись крепкие кони. На взгорке повсюду были раскинута шатры и еще какие-то палатки. Все они были прикрыты травой и ветками, чтобы скрыть их от постороннего взгляда. Под невысоким навесом у самой скалы семеро мужчин в черных меховых одеяниях с капюшонами на головах в молчании сыпали песчинки разноцветного песка в центр большого плоского камня.

– Это такая форма медитации, – пояснил Святой. – Им нужно четыре времени года, чтобы нарисовать картину, а когда работа будет завершена, они сметут песок с камня и примутся за создание нового образа.

– А что они изображают?

– Долг, который мы исполняем в служении Другу. Внимание Роуна привлекли какие-то резкие звуки.

– Пойдем дальше. Мы занимаемся и другими делами, достойными внимания.

Роун прошел за Святым к плоской площадке у другого склона, где мужчины в просторных одеждах отрабатывали сложные фехтовальные приемы схваток на мечах. Ими руководил крепкий, мускулистый учитель с обритой наголо головой. Их стремительные прыжки и выпады отличались точностью и изяществом. Несмотря на предубеждение против военных игр, Роун наблюдал за тренировкой как завороченный.

– В Негасимом Свете вы тоже так тренировались? – спросил Святой.

– У нас не было мечей, – ответил Роун. – Они были запрещены.

– А как же вы себя защищали?

– Никак.

– Но я же видел там следы ожесточенной битвы!

– Там не было никакой битвы.

– Но ведь когда на твоих соплеменников напали, они должны были защищаться!

– Мы никогда не сражались, – ответил Роун, не отводя взгляда от сверкающих клинков.

Святой жестом подозвал человека, проводившего тренировку. Лысый тренер сказал что-то братьям, потом подошел к ним и поклонился Святому.

– Друзья всем, – приветствовал он их.

– Друг есть истина, – ответил ему Святой и тоже поклонился, но не так низко. – Роун из Негасимого Света, познакомься с братом Волком – нашим мастером клинка. Роун присоединился к нам сегодня, брат. Путь его сюда был нелегким.

– Все трудно лишь настолько, насколько это воспринимает разум, – сказал брат Волк, глядя Роуну прямо в глаза.

– Бойню, которую устроили в моем селении, назвать лишь восприятием я никак не могу, – резко возразил Роун.

– Чем сильнее боль, тем упорнее твоя воля должна стремиться ею овладеть, – ответил брат Волк. – Иначе ты навсегда останешься ее рабом.

– Я не раб.

– Значит, ты поймешь, что подготовка, которую тебе предстоит у нас пройти, будет полезной, – сказал Волк и вернулся к своим ученикам.

Роун оторопел, ему стало трудно дышать. Сколько обязательств он должен взять на себя в этом странном лагере, где оказался по воле рока! Путь назад был отрезан, обстоятельства не оставляли ему надежды на освобождение. Негасимого Света больше не существовало.

Обходя лагерь вместе со Святым, Роун отметил, что он не был обнесен стеной, но по периметру его надежно защищали отвесные скалы и овраги. Высоко на деревьях были установлены деревянные помосты, на которых стояли в дозоре братья. Было видно, как они, в надвинутых на головы капюшонах, внимательно следят за всем, что происходит в раскинувшейся внизу долине. Святой отвел Роуна в сторону от оборонительных сооружений лагеря и стал ему показывать, чем еще занимаются братья. Некоторые из них объезжали лошадей, кузнецы работали по металлу, были среди них и охотники. Всего братьев было семьдесят пять человек, сообщил Святой.

У шатра, раскинутого между деревьями, их приветствовал седобородый мужчина.

– Брат Святой! У меня есть мазь, которая тебе поможет вылечить рану на запястье.

– Спасибо, брат Аспид.

Брат Аспид внимательно вглядывался в лицо Роуна, как будто хотел прочесть его мысли. Но его пристальный взгляд не был угрожающим, скорее наоборот – у этого брата было доброе, открытое лицо.

– Роун из Негасимого Света! Жаль, что я не встретился с тобой раньше – у меня были неотложные дела по медицинской части.

Роун никак не мог понять, почему брат Аспид настолько мягче других. Он очень напоминал ему мужчин Негасимого Света. Вероятно, он был целителем.

В час ужина все собрались в главном шатре и расселись вокруг пяти длинных столов. Поваренок всем раздал миски с тушеным мясом с картошкой, причем братья не обращали на него никакого внимания, как будто он был невидимкой. Роун уже хотел было приступить к трапезе, но в последний момент заметил, что к еде еще никто не притрагивался. Все в молчании стояли у своих мест. В помещение вошел Святой и направился к пустовавшему месту рядом с Роуном. Он опустил голову и заговорил:

– Рожденный из камня, Первый Друг спустился с небес и дал нам все, что мы имеем.

Семьдесят пять мужчин в один голос хором произнесли:

- Рожденные от человека, мы стремимся к небу.
- Его небесный клинок освободил нас от оков зла, – нараспев проговорил Святой.
- Благословенные его любовью, мы освободим мир.
- Мы – братья. Мы – друзья.
- Мы – друзья.

Святой обвел взглядом собравшихся:

– Перед началом трапезы хочу представить нашего нового адепта – Роуна из Негасимого Света.

На какой-то момент воцарилась тишина, потом за дальним столом кто-то выкрикнул:

– Добро пожаловать, брат!

В знак приветствия все громко захлопали в ладоши и затопали ногами. Мужчина с безумными глазами и длинными светлыми волосами подмигнул Роуну:

– Они будут так хлопать и топтать, пока ты не отреагируешь как-нибудь на их приветствие.

Тогда Роун тоже захлопал в ладоши. Аплодисменты друзей понемногу стихли, но чувствовалось, что они всё еще воодушевлены, все широко улыбались Роуну, пожимали ему руку. Потом Святой сел на свое место и начал есть. Его примеру последовали остальные.

Святой кивнул в сторону светловолосого мужчины:

– Роун, это – брат Ворон, один из наших самых уважаемых товарищей.

– Ты, Роун из Негасимого Света, у нас единственный в своем роде, – сказал Ворон, криво ухмыльнувшись. – Я что-то не припомню, чтобы кто-то из новых адептов приезжал сюда привязанным к мотоциклу Святого.

– Он не оставил мне выбора.

Брат Ворон выразительно хмыкнул:

– Выбор! Это же надо! – Ворон наклонился к Роуну, и мальчик почувствовал у него изо рта незнакомый тяжелый и терпкий запах. – Если у тебя возникнут проблемы, ты мне только намекни, милости просим! Я – мастер по разборкам и утряскам.

– Рад с тобой познакомиться, – вежливо ответил Роун, но в улыбке Ворона явственно ощущалась скрытая угроза. Брат лицемерил, это было ясно, он и сам не пытался скрыть свою неискренность.

Роун молча доел жаркое, размышляя над сложившимся положением. Братья спокойно переговаривались друг с другом, и хотя он понимал, что в основном они обсуждали его, никто не лез к нему со своей любовью.

* * *

Когда ужин подошел к концу, Святой поднял правую руку и произнес:

– Друзья всем!

– Друг есть истина, – откликнулись братья, тоже подняв в ответ правые руки. Потом все стали убирать за собой столы.

Роун взял свою грязную миску и поставил на стопку других, которые забирал Поваренок.

– Да ты скоро привыкнешь, – прошептал тот. – Ты оказал нам честь, оставшись в лагере.

Не успел Роун расспросить, что это значит, как Поваренок куда-то исчез, зато возник брат Ворон.

– Позволь мне, Роун, проводить тебя туда, где ты будешь жить.

Ворон вышел вместе с мальчиком из шатра трапез, где еще толпилось много народа. Путь был освещен факелами. По дороге Ворон показал Роуну место Ассамблеи, возвышавшееся невысоким амфитеатром, на котором вокруг небольшой круглой площадки были расставлены скамьи. Роун не успел спросить, для чего она предназначена, как Ворон указал ему на «очень

важную» надворную постройку и баню, где все купались и мылись, окатывая себя водой из деревянных шаяк.

– Вы моетесь все вместе? – удивился Роун.

– Мы и в туалет все вместе ходим, – хмыкнул Ворон. – Думаешь, нам недостает воспитания?

– Нет, просто у вас другие обычаи. Ворон вскинул бровь.

– Другие? Что ты хочешь сказать этим – другие? Роун недоверчиво взглянул на странного брата, и ему показалось, что тот его в чем-то испытывает.

– Просто здесь все для меня новое, – неуверенно ответил он. – Тут всё не так, как там, где я жил раньше.

Ворон снова хмыкнул:

– Да ты у нас изрядный дипломат!

– Я сказал правду.

– Конечно, конечно, не принимай мои слова близко к сердцу! Я ведь тоже сюда бог знает из какой глуши попал – из селения, затерянного на окраине Плато Дожей. За все время, что я там жил, к нам, пожалуй, никто даже и не заглядывал... Когда я оттуда дал деру, мне было меньше лет, чем сейчас тебе.

– И куда же ты отправился?

– В одну особую школу.

– Чему тебя там учили?

– Честно говоря, я так ее и не закончил. Там я услышал удивительную историю: будто один смертный стал Пророком. Он вроде как поднялся на вершину горы, а спустился с нее с заветом нового Бога. Мне стало интересно, я решил уйти из школы и присоединиться к Пророку. Так я стал первым, кто пошел за Святым. Следующей весной исполнится одиннадцать лет с тех пор, как я следуя за ним, исполняя заветы Друга.

Остановившись перед одним из небольших шатров, вытянувшихся в ряд, Ворон откинул прикрывавший вход полог.

– Это – твоё жилище, – сказал он. – Желая тебе хорошо выспаться, потому что завтра ты начнешь занятия по расписанию, которое подготовил для тебя Святой. Эти обноски тебе больше не понадобятся, в шатре ты найдешь соответствующую твоему положению одежду. После того как мы будем поднимать на небосклон солнце, каждое утро ты станешь проводить с братом Волком, а после обеда твоими занятиями будет руководить брат Жало. А в оставшееся время тебя будет учить брат Аспид. – Ворон доверительно взглянул на Роуна. – Если такой распорядок окажется тебе не по силам, скажи мне. Я замолвлю перед Святым за тебя словечко и все улажу. Запомни: если возникнут какие-нибудь проблемы, мой шатер рядом. Заглядывай в любое время.

– Спасибо тебе, – ответил Роун, проходя в свой небольшой шатер. Он был рад избавиться от назойливого брата Ворона.

В неясном свете нескольких горевших свечей он разглядел прикрывавшие пол ковры и аккуратно сложенную плотную черную одежду, лежавшую в ногах кровати. Хотя назвать кроватью простую шерстяную подстилку, пожалуй, было преувеличением. Роун укрылся шерстяным одеялом, но еще долго не мог согреться. Он протянул руку к рюкзаку, вынул из бокового отделения отцовский башмак, провел пальцами по заплаткам и положил его рядом с собой.

Перед глазами мелькали лица братьев. Всего за один день он встретился с семьюдесятью пятью незнакомцами, а первого чужака в своей жизни увидел лишь несколько дней назад. Он вообще был самым первым чужаком, появившимся в Негасимом Свете. В тот день ранним утром в ворота селения въехал посланец на белом коне. Все смотрели на него как замороженные, но никто даже не подумал прогнать этого одинокого человека. Тем более наряд его был

таким диковинным! На нем была накидка из разноцветных перьев, а голову покрывал шлем, сделанный в виде птичьего клюва.

В Скрытой от Мира Долине знали лишь кур да ворон, другие птицы залетали туда очень редко, а таких перьев, какие покрывали его накидку, никто вообще никогда в глаза не видывал – ярко-желтые в алую крапинку, серебристые с отливом в розовато-лиловый, а еще длинные – в целый фут длиной – цвета слоновой кости с пурпурными пятнышками. Дети Негасимого Света шли по деревне за Человеком-птицей и то и дело норовили коснуться этих восхитительных перьев. Он не возражал, даже посмеивался, будто курица квохтала. Дети в ответ звонко смеялись. Но взрослых это совсем не забавляло. Роун видел испуг в их глазах и впервые в жизни ощутил тревожное беспокойство.

Члены Совета селения проводили Человека-птицу в зал приемов общины. Пока дверь не закрылась, Роун видел, как они обменивались настороженными взглядами, у них даже руки дрожали. На лице отца Роуна застыло суровое выражение – он был одним из десяти членов Совета, которые вели с посланником переговоры. Встреча длилась долго, детишки носились по двору у дверей, сгорая от любопытства. Близнецы Макс и Эста, родившиеся через год после Стоув, пытались заглянуть внутрь, но их неизменно отгоняли. Большинство соплеменников пребывали в сильном возбуждении – они были уверены, что посланец приехал в селение торговать перьями. Но лучший друг Роуна – Эйден, как всегда, был циничен:

– Какой толк от этих перьев? – съязвил он. – Есть-то их нельзя.

Стоув ему тогда возразила:

– Они так прекрасны! Я бы отдала две свои любимые чашки за одно из этих блестящих красных перьев.

Роун видел в каких-то книгах рисунки перьев, которыми была украшена накидка чужака. Пока они ждали, Стоув упростила его сказать ей названия давно вымерших птиц: павлина, орла, лебедя, кардинала. Ей нравилось звучание этих слов, когда он их выговаривал нараспев, она просила Роуна повторять их снова и снова. Поразительного пришельца она восприняла как восхитительное зрелище, как будто в разгар зимы наступила весна.

Через несколько часов дверь зала, где проходили переговоры, распахнулась настежь. Из нее быстрым шагом вышел Человек-птица. Улыбки на его лице не было. Не обращая внимания на детей, просивших его разрешить им еще раз коснуться великолепных перьев, он вскочил на коня и был таков. Роун ждал у распахнутой двери, видел, как члены Совета во главе с его отцом с мрачным видом выходили из помещения. В ту ночь его разбудили взволнованные голоса родителей, которые что-то оживленно обсуждали.

– Разве не могли мы ему заплатить? – спрашивала мама.

– Ту единственную плату, которую он требовал, – ответил отец, – Мы никогда платить не станем.

Следующую фразу Роун не расслышал – голос отца заглушил звон упавшей на пол и разбившейся чашки.

– Надо нам отсюда уходить, – сказала мама, – и немедленно!

– Нет. Так было предначертано Пророчеством.

– Но ведь это только миф!

– Это смысл нашей жизни здесь, в нем суть нашего бытия.

– И ты готов принести наши жизни, жизни наших детей в жертву тому, что может быть простой сказкой?

– Посмотри на меня... Это в тебе говорит материнский инстинкт. Но ты же знаешь правду! Мы всегда помнили, что этот день настанет.

Роун впервые в жизни уловил в их голосах ужас. Ему не было холодно, но он весь дрожал. Голос матери, которую душили рыдания, разрывал ему душу на части.

– Но почему именно сегодня? Почему теперь?

– На то есть лишь одна причина, – ответил отец.

Внезапно что-то гроыхнуло, похожее на отдаленный раскат грома, но от грома пол в доме под ногами Роуна никогда не трясло. Потом воцарилась гнетущая тишина.

– Не все будет потеряно, – сказал его отец.

Тут донесся отчетливый и сосредоточенный голос матери:

– Разбуди их! Давай, давай, скорее! Пусть они отсюда уходят!

У Роуна сильно схватило живот. Он находился в своем новом доме, в шатре в лагере братьев, но никак не мог понять, как попал в это место, кем были окружавшие его люди и что им от него надо. Он убрал папин башмак в карман рюкзака и вышел из шатра на лунный свет. Луна была на ущербе, но он различал кратеры на темном ее боку.

– Кошмары замучили? – Роун вздрогнул, услышав вкрадчивый голос брата Ворона. – Хорошо, что я оказался поблизости.

Роуну не хотелось с ним разговаривать, но брат Ворон гнул свою линию:

– Тебе нравится новое жилье?

– Да, меня здесь все устраивает.

– Что же ты вышел посреди ночи?

– Свежим воздухом подышать.

– Поосторожнее с ночным воздухом...

– Почему?

– Никогда не знаешь, кто тебя укусит, – рассмеялся Ворон. Ты очень везучий парень. Должно быть, ты сам не понимаешь, как тебе посчастливилось.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Только то, что ты сейчас в нашем лагере, а не за его пределами. Там тебя могли бы поджарить на вертеле, Кровопийцы могли бы высосать всю твою кровь или срубить тебе голову и насадить на кол. Но вместо этого ты оказался под крылом человека, благословенного Господом. Воистину тебе повезло, парень!

Не желая показывать, насколько слова Ворона выбили его из колеи, Роун вежливо улыбнулся, кивнул, пожелал спокойной ночи и вернулся к себе в шатер. Лег на постель и закрыл глаза.

Душераздирающий вопль... Ногти Стоув впиваются в его ладонь. Всадник в жуткой красной маске поднимает девочку в воздух. А Стоув все тянется, тянется к Роуну...

Роун раскрыл глаза, пытаясь отогнать ужасные воспоминания. Сердце колотилось как бешеное, подбивая его удрать, но усилием воли он заставил себя лежать неподвижно. Снежный сверчок вылез из кармана рубашки и устроился на груди мальчика. В серебристом лунном свете Роуну были хорошо видны его усики-антенны и черные точки немигающих глаз. Вид сверчка его немного успокоил. Со сверчком все в порядке, подумал Роун, он хочет остаться. Значит, и мне никуда отсюда бежать не надо. Вскоре веки Роуна отяжелели, и он уснул.

АДЕПТ

*ГОРОД ИЗДАЛ ЭДИКТ:
ШКОЛЫ НАМ НАДО СРЫТЬ,
ЧИТАЛЬНИ ВСЕ РАЗБОМБИТЬ,
КНИГИ ВСЕ СЛЕДУЕТ СЖЕЧЬ —
НЕСОГЛАСНЫХ НЕ БУДУТ ТЕРПЕТЬ!
ПЕРЕЧИТЬ ГОРОДУ ОПАСНО —
С ЕГО ПРИКАЗОМ ВСЕ СОГЛАСНЫ,
И ОН ИСПОЛНЕН БЫЛ БЕССТРАСТНО.*
ХРОНИКИ ВОЙНЫ

В тусклом свете занимавшейся зари Роуна разбудил колокольный звон. На морозном воздухе дыхание клубилось белым паром. Он надел новую черную накидку и штаны из плотной, но мягкой шерстяной ткани. Для постороннего взгляда он был одним из братьев, одним из друзей. В шатер заглянул Поваренок, в руках он держал закрытую миску.

— Я тебе принес кое-что перекусить, чтобы ты дотянул до завтрака. Давай скорее, нам уже пора поднимать солнце.

Роун быстро съел овсяную кашу, они вышли из шатра и направились к месту сбора остальных братьев.

С трепетом и благоговейным страхом Поваренок шепотом спросил Роуна:

— Скажи, неужели Негасимый Свет существует на самом деле?

Вопрос показался Роуну очень странным.

— А почему ты считаешь, что его нет?

— О нем все слышаны, но никто его не видел. Поэтому мне всегда казалось, что в действительности его нет.

— Есть, конечно, такое место, — ответил Роун, но у него вдруг что-то перехватило в груди, отдавшись острой болью, и он поправился: — Точнее, было. — Чтобы сменить тему, Роун спросил: — Как ты сюда попал?

Поваренок бросил на него тревожный взгляд.

— Как и все.

«Как и я?» — мелькнуло в голове Роуна. Когда они уже подходили к границе лагеря, с ними поравнялся Святой.

— Спасибо тебе, брат Поваренок, что проводил сюда Роуна.

— Не ст... не стоит благодарности, брат Святой, — заикаясь ответил Поваренок, оробев перед великим человеком.

Обратившись к Роуну, Святой сказал:

— Следуй за мной.

Роун заметил огорченное выражение на лице Поваренка, который плелся за ним и Святым в неясной предрассветной дымке. Они поднялись на самое высокое место в лагере. В мутном свете наступавшего утра Роун не без труда разглядел семьдесят пять человек, выстроившихся рядами и смотревших вниз на сумрачную долину. Ее бескрайнее пространство, казалось, дышит в унисон с их дыханием.

Здрав голову вверх, Святой воскликнул:

— Для нас он возносит солнце в небеса! Для нас он приносит рассвет!

Все наблюдали за ним в молчании; брат Волк передал Святому арбалет. Святой вложил в него стрелу, наконечник которой был обмотан тряпкой. Брат Волк поджег тряпку, и Святой послал в небо плававшую стрелу. Достигнув высшей точки полета, огненная стрела описала дугу, устремилась вниз и исчезла из вида.

На какой-то миг все как будто застыло, стояла мертвая тишина. И тут горизонт озарил первый луч солнца. Братья приветствовали его такими громкими криками, что у Роуна зазвенело в ушах. Святой возвел руки к небу. Собравшиеся мужчины тут же смолкли.

– Благодарим тебя, Друг! – произнес Святой.

– Благодарим тебя, Друг! – вторили ему остальные.

Братья в пояс поклонились солнцу, и Роун последовал их примеру. Слова глухо разносило эхо, потом все замолкло. Магические чары ритуала развеялись, только когда братья возвратились в лагерь – к шатру трапез, где их уже ждал завтрак.

* * *

Роун доедал вторую миску каши, в которой, к его радости, не было мяса, когда к нему подошел брат Ворон.

– Ну вот, – сказал он, – теперь ты готов. Пришло время утренней тренировки.

По дороге Ворон остановился у колодца и налил немного воды в большую чашку.

– Попробуй это воду, – он протянул чашку Роуну –

Это самая лучшая вода на триста миль в округе!

Роун отхлебнул несколько глотков.

– Хороша водица, – вежливо сказал он. Он, правда, уловил в воде какой-то металлический привкус, и вкус у нее был другой, чем в Негасимом Свете – там вода была свежее и мягче.

– Она естественная, никак не очищенная, – похвастался Ворон. – Ее источник питают горные снега. Наш район уникален, он ничем не загрязнен. Можно пить воду прямо из реки. В тех селениях, что раскинулись в долине, положение гораздо хуже, там все отравлено. А вода-то нужна всем, правда?

– Ты вроде говорил, что сейчас время тренировки?

– Да, да, конечно, – ответил Ворон. – Хватит чесать языком.

Он проводил Роуна к площадке, на которой брат Волк обучал группу из двадцати мужчин сложным боевым ударам и приемам.

– Ну ладно, я пошел. От одного вида этого сурового воина у меня разыгрывается аппетит. – Ворон ухмыльнулся, похлопал Роуна по плечу и пошел дальше своей дорогой.

Брат Волк хмуро посмотрел на Роуна.

– Ты опоздал, – сухо сказал он. – Впредь чтоб такого не повторялось.

Роун кивнул, подавив желание свалить вину за опоздание на Ворона.

– Старайся как можно лучше подражать тому, что мы делаем. Отдельно позанимаемся позже.

Волк быстро поворачивался, внезапно нападал и наносил резкие удары. При каждом движении он натужно дышал и раскатисто ревел. Ученики подражали как его движениям, так и издаваемым им звукам.

Несмотря на эту какофонию, Роун расслышал стрекот сверчка, сидевшего в кармане его накидки.

Мальчик сосредоточился на движениях, которые выполнял брат Волк. Он никогда не занимался военной подготовкой, но ему показалось, что эти упражнения он где-то видел. Он энергично делал резкие броски в разные стороны, наносил удары, забыв о времени и о том, где находился, до тех пор, пока наставник не велел всем ученикам разойтись. Песнь сверчка тоже оборвалась, и Роун закончил тренировку. Взглянув на солнце, он удивился, насколько оно уже высоко – мальчик и не заметил, как пролетело утро. Брат Волк сделал ему знак подойти.

– Где ты учился этим движениям?

– Я никогда раньше их не делал, – ответил Роун, – просто старался тебе подражать, как ты мне сказал.

Волк взглянул на него с любопытством, потом подошел к стойке, на которой лежало оружие, и взял меч, сделанный в форме двух полумесяцев.

– Видел когда-нибудь такое оружие? Оно называется меч-секач.

Роун как зачарованный смотрел на странное оружие – ничего подобного ему раньше видеть не доводилось.

Волк взял Роуна за руку.

– Меч-секач держат так, – пояснил он. Потом взял себе алебарду и сказал: – Защищайся!

Он занес алебарду над Роуном, и мальчик инстинктивно защитился мечом. Волк откинулся немного назад и с размаха попытался обрушить оружие на голову Роуна. Тот, нагнувшись, увернулся, чтобы избежать удара, потом тут же выпрямился, готовясь отразить следующее нападение.

Держа в руках алебарду, Волк крикнул:

– Нападай!

Роун стоял не двигаясь.

– Давай, нападай на меня! Шевелись!

Роун смотрел на него в смущении. Ему было ясно, что наносимый удар надо отражать. Но нападать? В Негасимом Свете это было категорически запрещено даже в детских играх.

Брат Волк положил алебарду на землю и уставился на Роуна. Мальчик заметил в его взгляде озабоченность, хотя бесстрастная маска на лице Волка и скрывала его мысли.

– Ты хорошо владеешь собой, у тебя отличная реакция, тебе удастся сохранять душевное равновесие. Неужели никогда раньше тебя никто не тренировал?

– Никто, – неуверенно проговорил Роун. Тут он вспомнил праздники полнолуния и новолуния, отмечавшиеся в Негасимом Свете. Накануне они репетировали, дни напролет отрабатывая отдельные позиции и движения. – Вообще-то мы отрабатывали некоторые положения. Например, такие как Приливная волна или Дракон, пожирающий свой хвост, но они скорее напоминали танцы.

– Так, значит, ты у нас танцор... – усмехнулся Волк, но тут же стал серьезен. – При определенной работе из тебя могло бы что-то получиться. В нашем деле особенно важны сила, скорость и техника. Со скоростью у тебя все в порядке, техникой ты овладеть в состоянии, но тебе надо много работать, чтобы стать сильным, стойким и ловким. Не говоря уже о том, что необходима решительность при нападении, чему, очевидно, тебя в твоём танцевальном классе никто не учил.

Роун почувствовал, что Волк – хороший, серьезный учитель, у этого брата не было и следа лукавства, присущего Ворону. Тренировки под его руководством полностью противоречили принципам, которых придерживались в Негасимом Свете. Его родители пришли бы в ужас, узнав, чем он собирался заниматься. Почему же эти движения казались Роуну вполне нормальными и он испытывал физическое наслаждение от упражнений? Ведь теперь само его выживание могло зависеть от того, насколько хорошо ему удастся овладеть боевыми искусствами.

Брат Волк улыбнулся, взял у него меч-секач, и впервые после того, как Роун оказался в лагере, он улыбнулся учителю в ответ.

От тренировочной площадки мальчик направился к колодцу. Отойдя на некоторое расстояние, он заметил, что брат Волк о чем-то говорил со Святым. Через несколько минут Волк поклонился Святому, который направился к своему шатру. Роуну очень хотелось узнать, о чем ли они разговаривали...

Подняв из колодца ведро, Роун от души напился. Меч-секач лежал у него в руке как влитой. Движения, которые вызывали в Негасимом Свете такое отвращение, казалось, прямо-таки ложились на его душу, одновременно восхищая и отталкивая. Роун вылил на себя остатки воды из ведра, как будто хотел смыть напряжение тренировки.

Прислонившись к дереву, он закрыл глаза. Снежный сверчок вылез у мальчика из кармана, устроился на груди и принялся сверчать свою песню.

НАПРОТИВ РОУНА В ЯРКОМ ЛУННОМ СВЕТЕ ВОЗНИКАЕТ КАКОЕ-ТО ДРЕВНЕЕ СУЩЕСТВО.

«КТО ТЫ?» – СПРАШИВАЕТ ОН.

РОУН ТЯНЕТСЯ К НЕМУ, НО СУЩЕСТВО ДВИЖЕНИЕМ РУКИ СБИВАЕТ ЕГО С НОГ. ОН БЫСТРО ВСКАКИВАЕТ, НО СТРАННАЯ ФИГУРА ХВАТАЕТ ЕГО ЗА РУКУ, ВНОВЬ БРОСАЕТ НА ТРАВУ И УПИРАЕТ РАЗДВОЕННОЕ КОПЫТО ЕМУ В ГРУДЬ. РОУН ПЫТАЕТСЯ ЕГО СБРОСИТЬ, НО КОПЫТО С СИЛОЙ ПРИЖИМАЕТ ЕГО К ЗЕМЛЕ.

«ДАЙ МНЕ ВСТАТЬ!» – ПРОСИТ ОН.

«А ТЫ ЗАСТАВЬ МЕНЯ...» – ШЕПЧЕТ СУЩЕСТВО.

Роун пришел в себя, когда зазвонил колокол. Солнце стояло в зените. Он чувствовал странное возбуждение. Мальчик не мог припомнить, чтобы раньше, когда он жил в Негасимом Свете, у него бывали такие странные и яркие видения. Хотя, должно быть, такие необъяснимые галлюцинации – обычное дело у тех, чья жизнь сломана.

Он почувствовал, как на него накатывает волна отчаяния и горя, но тут заметил, что ему машет рукой Поваренок. Это отвлекло мальчика от нахлынувших воспоминаний. Сдержавшись, он вышел из шатра к Поваренку. От соблазнительного запаха вкусной еды у Роуна забурчало в желудке.

– Вот что у меня особенно хорошо получается... Смотри! – воскликнул Поваренок и одним рывком содрал шкуру с кролика, обнажив розовое мясо.

Роуна чуть не вывернуло наизнанку! В Негасимом Свете они ели куриные яйца, пили козье молоко, но о том, чтобы питаться плотью животных, и помыслить никто не мог. Но теперь, когда он стал есть мясо, нужно было быть лицемером, чтобы прятать глаза и не смотреть, как животных убивают и сдирают с них шкуру. А когда ему придется покинуть лагерь, умение готовить мясо может очень даже пригодиться, поэтому, сделав над собой усилие, он продолжал смотреть на манипуляции повара. В животе бурчало. Поваренок скалил зубы.

– Я могу это делать одной рукой даже с закрытыми глазами. Хочешь покажу?

– Нет, с меня хватит.

– Ты что, мне не веришь?

– Да нет, верю я тебе, верю!

Поваренок чиркнул ножичком по шее кролика, потом повернулся к нему спиной, протянул руки назад, сделал рывок и гордо поднял перед собой звериную шкуру, с которой капала кровь.

– Ну что, не слабо, а?

– Впечатляет, – пробормотал Роун.

– Ну ладно, – сказал Поваренок, – пойдем, на кормлю тебя обедом.

– Я не голоден.

– Еще успеешь проголодаться. – Поваренок потащил его в пустой шатер трапез, усадил за стол и налил ему чашку козьего молока. – Спорим, раньше ты никогда не видел, как с кролика снимают шкуру?

– Откуда ты знаешь?

– Ты весь позеленел!

Роун усмехнулся и отпил молока.

– Как ты стал здесь поваром?

Поваренок точил нож и даже не взглянул в его сторону.

– Я для этого лучше всего приспособлен.

– Значит, ты сам себе выбрал это занятие?

Поваренок негромко рассмеялся.

– Никто сам себе работу не выбирает. Это делают пятеро – братья Святой, Ворон, Жало, Волк и Аспид. Так что самому мне выбирать ничего не пришлось. Это все, на что я способен.

– Не понял...

– Это то, что я делаю лучше всего, – сказал Поваренок, как отрезал.

Роун уловил, что затронул деликатный вопрос, и перевел разговор на другую тему:

– Я представляю, чем занимается каждый из этих пятерых, кроме брата Ворона. У него есть какие-то определенные обязанности?

– Да. И очень важные.

– Какие же?

Поваренок посмотрел на Роуна с опаской.

– Он занимается делами.

Роун кивнул, не очень понимая, какие дела имеются в виду.

– Ты заметил, какой у него запах изо рта? – спросил он парнишку.

Поваренок прикусил губу.

– Знаешь, что это такое? – настаивал Роун.

– Скорпионье пойло.

– Это что, напиток такой?

– Скорпионьи хвосты, маринованные в кукурузной настойке.

– Такое, небось, хлебнешь – и Богу душу отдашь.

– Там как раз столько яда, чтобы затуманить мозги и чуть-чуть свести тебя с ума.

– Должно быть, брату Ворону это нравится.

Поваренок подошел ближе к Роуну и прошептал:

– Я слышал, как брат Аспид выговаривал ему за то, что он слишком много пьет. Скорпионье пойло достать нелегко, обычно оно бывает только у брата Аспида. Он хранит его для медицинских целей. Брат Ворон больше пары глоточков перед сном не может у него выклянчить. Я слышал однажды, как брат Жало ему сказал: «Я даже представить себе не могу, что с тобой будет, если ты всю бутылку вылакаешь».

Роун был в некотором замешательстве, но молчал, опасаясь неосторожной фразой нарушить начавшие устанавливаться между ними доверительные отношения.

– Что с тобой? – спросил повар.

– Я, кажется, начал кое о чем догадываться.

– О чем?

– Сдается мне, брат Ворон за мной следит.

Поваренок рассмеялся, но Роуну показался горьким его смех.

– Как допьешь молоко, стакан оставь на столе.

Он вышел из шатра, оставив озадаченного Роуна одного за столом.

Резким движением мальчик отставил стакан в сторону, обернулся и вздрогнул, заметив смуглого человека с короткой черной бородой, стоявшего позади него.

– Я – брат Жало, – сказал мужчина и сделал Роуну жест следовать за ним.

Семеро мужчин сидели, склонившись над кругом на большом плоском камне. Внутри круга углем были нанесены контуры витиеватого рисунка, отдельные части которого были завершены, хотя трудно было разобрать, что на нем изображено. Брат Жало взглянул на Роуна.

– Твоим цветом будет охра.

Он протянул мальчику меховые одежды и перчатки с обрезанными пальцами. Когда Роун их надел, Жало дал ему небольшую, похожую на трубочку воронку и мисочку с красновато-коричневым песком.

– Зачем мне все это? – спросил Роун.

– Цель нашего занятия – упражняться в терпении, упорстве и сосредоточенности. Наноси свой цвет там, где маленькие ромбы. Эти мои слова тебе на сегодня – последние.

Остаток дня был проведен в молчании. Каждый друг аккуратно наносил через свою воронку одновременно по несколько песчинок в отведенное его цвету место. Роун пытался сосредоточиться на поставленной задаче, но мысли его витали в облаках.

Стоюв все тянется, тянется к Роуну... Она так близко, совсем рядом, он уже почти схватил ее за руку, но не успевает коснуться пальцев сестры, как костяная палица наездника обрушивается ему на голову.

Роун усилием воли вернулся в настоящее, но было уже поздно – песок из его воронки высыпался слишком быстро и заполнил пространство за пределами отведенных участков. Брат Жало это заметил, но ничего не сказал.

Ошибку исправить было почти невозможно, и когда перед заходом солнца прозвенел лагерный колокол, Роун почувствовал облегчение. Все суставы болели и не сгибались, казалось, будто он просидел в одной позе целую неделю, но сделать почти ничего не успел. Рисовавшие песком художники встали и низко поклонились. Потом каждый из них взял незажженный факел и направился к возвышенности в западной части лагеря. Роун следовал за ними, и, когда они дошли до вершины, он увидел там все Братство, собравшееся в полном составе. Взгляды всех братьев были устремлены на солнце, почти закатившееся за горизонт. Перед группой стоял брат Аспид, держа в руке такой же незажженный факел, как остальные.

– Свет умирает, чтобы возродиться вновь! Ему вторили все братья:

– Свет его жив во веки веков!

Солнце скрылось за горизонтом, озарив небеса прощальными красными сполохами. В тот момент, когда оно исчезло из вида, брат Аспид зажег свой факел.

– Мы живы светом Друга.

Братья один за другим зажигали свои факелы от факела брата Аспида, а Роун переживал в душе обрушившиеся на него несчастья. Тут перед ним откуда ни возьмись появился брат Ворон.

– Вот ты, оказывается, где! – воскликнул он. – Вовремя я тебя нашел. Брат Святой приглашает тебя с ним отужинать в его покоях.

– Спасибо тебе, брат, – ответил Роун. – Я знаю, как его найти.

Но Ворон дружески улыбнулся и пошел вместе с ним.

– Твой первый день у нас поистине впечатляет. По моему скромному мнению, ты самый странный новый адепт, который появился у нас за все эти годы.

– Ты, брат Ворон, слишком великодушен ко мне.

– Нет, маленький брат, это ты оказываешь мне честь, общаясь со мной. Ведь отношение к тебе Пророка просто исключительное! Скажи-ка мне, Роун, что тебе сегодня больше пришлось по душе – боевые искусства или рисование песком?

– Я и сам еще толком не разобрался. Мне кажется, каждое занятие имеет свое назначение.

– Да, это верно. А какое назначение у тебя?

– Что ты имеешь в виду?

– У каждого человека в этой жизни наверняка есть какое-то предназначение. Чем еще можно объяснить наше жалкое брренное существование?

– Я, наверное, еще слишком молод, чтобы судить об этом, – ответил Роун. – А какое предназначение у тебя, брат Ворон?

– Ну, это яснее ясного – служить Другу, конечно.

– Может быть, когда я больше узнаю о Друге, – сказал Роун, тщательно подбирая слова, – это станет и моим делом.

– Уверен, что так оно и будет. Мне бы только хотелось понять, дорогой мой товарищ, почему Святой решил пригласить тебя разделить с ним трапезу.

– Представления не имею...

– Да, да, у Святого всегда на все есть свои резоны... – Лицо брата Ворона расплылось в широкой улыбке. – В жизни очень важно иметь хороших друзей.

Роуну почувствовал облегчение, когда они подошли к шатру Святого.

– Ну, давай, маленький брат, – напутствовал его на прощание Ворон, – води себя там осмотрительно.

* * *

Роун волновался, но с радостью перешагнул узкий порог полутемных покоев Святого. Он прошел несколько темных пустых помещений в направлении мерцавшего за ними света и оказался в главном зале большого шатра. Мальчик удивился, увидев, что посреди него горел костер, дым которого выходил в отверстие у вершины. Святой сидел на ковре, украшенном изображениями змей. Повсюду были разбросаны книги, и Святой их просматривал.

– Хорошо, что ты пришел, Роун. Расскажи мне, о чем здесь написано.

Роун опустился на колени на ковер и взял книгу:

– Она называется «Алиса в стране чудес».

– Забавно. Что здесь еще есть?

Роун поднял с пола другой увесистый том:

– Это – Святая Библия.

Святой взял у него толстую книгу, ощутил в руке ее вес, понюхал:

– Вот, оказывается, чем пахнет старый Бог.

– Хочешь, я тебе из нее немного почитаю?

– Здесь все ересь и вранье, – с раздражением буркнул Святой и бросил книгу в огонь.

Роун выхватил ее из костра и сбил пламя с обложки. В Негасимом Свете книгами очень дорожили. Даже мысль о том, чтобы сжечь книгу, была для Роуна кощунственной.

– Наш Друг – первый Бог и последний! Нам не нужно вранье язычников! Брось эту книгу обратно в огонь, – распорядился Святой.

Роун мешкал, сдерживая охватившую его ярость.

– Этим текстам многие тысячи лет! В них описаны два великих религиозных движения, борьба и войны их пророков.

Святой молчал, размышляя над словами мальчика. Потом произнес:

– Ты умен не по годам. Я не стану спорить. Положи книгу в тот ящик.

Роун положил Библию в большой сундук, где уже лежала стопка книг. Он заметил, что там лежали еще несколько связанных лентой медальонов с прядями волос и детские игрушки – кольцо, погремушка, волчок.

– Разве здесь есть дети?

Святой ответил не сразу:

– Здесь детей нет.

После паузы он попросил:

– Найди мне интересную книгу.

Роун стал перебирать книги одну за другой, читая Святому названия и вкратце рассказывая об их содержании. Там были «Любовная лирика Сапфо», «Франкенштейн», «Гамлет», «Пособие по ремонту „фольксвагена-жука“», «Преступление и наказание», «Республика» Платона, «Биография Майкла Джексона», «Биология дельфинов-касаток», «Камасутра». Так он перебрал десятки книг, но каждый раз Святой бросал одно и то же:

– Бесполезно!

– Какая же тебе нужна книга? – недоуменно спросил Роун, но тут же пожалел, потому что Святой рявкнул:

– Такая, которая может быть мне полезна!

Роун продолжил просматривать пыльные тома, пока не наткнулся на историю создания и развития двигателя внутреннего сгорания. Он перерассказал ее содержание Святому.

– Это уже кое-что, – сказал Святой, пролистал книгу, глядя на иллюстрации, потом бросил ее в сундук. – Ты на правильном пути. Ищи дальше.

Скоро Роун нашел еще одну потрепанную книгу.

– Это – пособие по обеззараживанию почвы. – Он раскрыл книгу, и у него защемило в груди. – Эта книга из библиотеки моего отца, – сказал он, и на глаза его навернулись слезы. Он вспомнил, как отец держал эту книгу в руках, внимательно ее изучал, согнувшись над страницами, делал выписки. «Я касаюсь того, чего касался ты, отец».

Он услышал голос Святого:

– А в Негасимом Свете земля была заражена?

Роун вздохнул, словно отгоняя от себя печальные мысли.

– Да. Когда туда пришли Отцы-основатели, они нашли в этой книге сведения о растениях, вырабатывающих бактерии, которые уничтожают скопившийся в земле яд.

– Значит, эта книга может пригодиться и нам, – сказал Святой и указал на том с золотым тиснением на обложке: – А это что такое?

– Эта книга называется «История династии Цинь в Китае», – ответил Роун, просматривая страницы убоистого шрифта. – В 221 году до нашей эры один человек победил там всех остальных полководцев и создал империю.

– А где был этот Китай? – спросил Святой.

– Это очень древняя огромная страна по другую сторону великого океана. Человек, которого звали Цинь, смог первым объединить всю ту страну.

– Эту книгу нам надо почитать, – проговорил Святой.

Роун открыл фолиант на титульной странице и прочитал первое слово:

– Китай.

Святой на него внимательно посмотрел.

– Ты различаешь написанные здесь буквы? – спросил Роун.

– Конечно, различаю, – раздраженно бросил Святой.

– «К» и «и» произносятся как «ки», – объяснил ему Роун.

Святой подозрительно покосился на буквы. Через некоторое время он перевел взгляд на Роуна.

– А как ему удалось победить всех других военачальников?

Роун раскрыл оглавление книги.

– Об этом речь пойдет только в третьей главе.

Мы со временем до нее дойдем, а сначала прочитай первое слово.

Святой пожал плечами.

– Давай начнем сразу с третьей главы.

– Сначала мы прочитаем первые две, они нам позволят...

– Главу третью. И не перечь мне!

– Третья глава легче не будет.

– Не имеет никакого значения! Читать будешь ты.

Лицо Святого исказилось гневом, и Роун понял, что, независимо от вызвавших этот гнев причин, ему лучше сразу же взяться за дело. И он начал читать повествование об императоре Цинь. Испытывая одновременно и восхищение, и отвращение, он читал о том, как император засылал шпионов, которые должны были следить за его соперниками, как он нагонял на врагов ужас неслыханной жестокостью, о безупречной стратегии сражений, в которых он их истреблял.

– Замечательный был человек! Наверное, он внушал подданным благоговейный трепет, – вздохнул Святой.

– Да уж, не без того. Святой взглянул на Роуна.

– Ты что, не согласен со мной?

– Думаю, трудновато ему приходилось – одни жестокости да убийства.

– Да, – заметил Святой, – конечно, в Негасимом Свете ты ничего этого не видел и не знал. Но в мире много таких людей, как император Цинь, и чем больше мы о них знаем, тем легче сможем их одолеть. Ну, ладно, на сегодня хватит. Продолжим чтение завтра.

– А не хочешь, чтобы я научил тебя...

– Время дорого, Роун из Негасимого Света. Мы больше успеем, если читать будешь ты. А теперь нам пора ужинать.

Роун прошел за Святым в небольшое помещение под пологом, где на столе уже стояли жареный кролик и картошка. Святой жестом указал Роуну на стул, а сам разрезал мясо и положил по кроличьей лапе с поджаристой корочкой каждому на тарелку.

– Спасибо, – пробормотал Роун.

Следуя примеру Святого, он взял лапу в руку, откусил кусок мяса и чуть не подавился.

– Сегодня ты очень хорошо зарекомендовал себя на тренировке, – сказал Святой.

Роун тяжело дышал, глядя, как Святой пожирает мясо.

– Брат Волк – прекрасный учитель. Он так хорошо показывал, как делать упражнения, что повторить было очень просто.

Святой пристально посмотрел на Роуна.

– Хоть у тебя нет никакого опыта, ты занимался наравне с некоторыми из моих самых опытных последователей.

– Надеюсь, я никого не обидел. Святой рассмеялся.

– Конечно нет. У тебя к этому прирожденный дар.

– Но я об этом ничего не знаю!

– Твой народ должен был знать! Почему они не обеспечили тебе более надежную защиту?

– Что ты хочешь сказать? – спросил Роун недоуменно.

– Друг учит нас, что жизнь бесценна и ее надо защищать. Греха в этом нет. У тебя выдающиеся способности к боевым искусствам. Тебе легко дается то, чего другие добиваются большим трудом. Это не случайность – это дар свыше. В тебе всегда был заложен этот талант, и его надо было развивать.

Услышав, что к шатру подъехали и спешились всадники, Святой вытер пальцы о тряпку, встал и положил руку на плечо Роуна.

– Завтра мы продолжим читать эту книгу.

Выйдя в холод ночи, Роун чуть не наткнулся на крупного жеребца. Животное со свистом дышало, раздувая большие ноздри, к седлу был приторочен меч-секач. Роун уставился на удивительное оружие и на четверых рослых братьев. Они выглядели усталыми, плащи их были покрыты засохшей грязью, с поясов свисали мечи. Они в упор рассматривали Роуна. Роун кивнул им, а Святой, огромной тенью нависавший над входом в шатер, жестом пригласил их войти внутрь.

Роун на какое-то время задержался, ласково поглаживая морду жеребца. От холода его бросило в дрожь. В первый раз в жизни он задал себе вопрос о том, что раньше воспринимал как само собой разумеющееся. Выжил бы народ Негасимого Света, если бы умел себя защитить? Почему они так противились сражениям? Почему их мудрые ценности на деле оказались несостоятельными? И в чем заключался его дар? Знал ли о нем его отец? Стал бы он возражать против использования его Роуном теперь, после всего, что случилось?

Роун чувствовал, что, несмотря на сладкозвучные речи Святого, верить ему нельзя. Но почему бы ему не овладеть теми навыками, которые он может получить, пока остается в лагере?

Святой утверждал, что Роун не выживет за его пределами без его защиты, и он инстинктивно чувствовал его правоту. Слишком мало он еще знал об окружавшем его мире и о том, что творится вокруг.

Внезапно Роун ощутил присутствие брата Ворона. Но Ворон к нему не приближался, и Роун сделал вид, что ничего не заметил. Мальчик в одиночестве направился к своему шатру. Он решил закрепить упражнения, которым научился в то утро.

СУДЬБА ПРОРОКА

*ГОВОРЯТ, ЧТО ОДНАЖДЫ НАШ МИР ЗАМЕРЦАЛ
ОТ ЛУЧЕЙ СООБЩЕНИЙ ИЗ СВЕТА,
ОЗАРИВШЕГО ТЫСЯЧИ МЕСТ.
НО ПОТОМ СВЕТ УГАС,
РАЗРАЗИЛАСЬ ВОЙНА
И РАЗРУШИЛА ВСЕ ГОРОДА.
ЛИШЬ ОДИН УСТОЯЛ,
НАШИМ ГОРОДОМ СТАЛ,
А ДРУГИХ ГОРОДОВ НЕ ОСТАЛОСЬ.
ИСТОРИЯ ДРУГА В ИЗЛОЖЕНИИ ОРИНА*

Одуванчики – первые вестники весны, пробившись сквозь неподатливую почву, настырно тянули вверх желтые головки. Земля вокруг лагеря еще только начинала оттаивать, но сорные травы уже сильно пошли в рост. Здесь их собирали и перерабатывали для употребления в пищу. Снежному сверчку, как и Роуну, особенно нравились свежие нежные листочки, а братья больше ценили цветы, на которых настаивали вино.

Работы в лагере всем хватало с избытком. Надо было ухаживать за лошадьми и обьезжать их, постоянно хлопотать по хозяйству, изготавливать и чинить оружие, поддерживать на территории лагеря порядок. За прошедшие месяцы Роун узнал, что жизнь каждого брата подчинена индивидуальному распорядку. Он легко принооровился к своему режиму. Установленный для него распорядок отвлекал от тяжелых, смурных, печальных мыслей и чувств, которые терзали его со времени трагедии в Негасимом Свете. Но по ночам, когда ему некуда было скрыться от боли, его мучили воспоминания о родителях, Стоув и других близких людях, которых он любил.

В то утро, как и во все другие дни, Роун занимался с братом Волком боевыми искусствами. Волк подробно объяснял ученикам, где расположены точки «убийства» – особые места на теле человека, которые надо поразить, чтобы убить врага или сделать его калекой. Во время занятий Роун никогда не задавал вопросов, хотя и сомневался, что тренировки проводились исключительно в целях защиты и самообороны. Он упорно работал с братом Волком над техникой ударов, но рано по утрам или поздними вечерами тренировался сам, отрабатывая упражнения, известные лишь ему одному. Эти занятия он держал в секрете – такие упражнения являлись в посещавших его видениях.

Видения приходили к нему неожиданно. Иногда они являлись во сне, иногда наяву.

ПУМА УГРОЖАЮЩЕ РАСХАЖИВАЕТ ПЕРЕД РОУНОМ.

**В РУКЕ МАЛЬЧИКА ПОЯВЛЯЕТСЯ МЕЧ-СЕКАЧ. ПУМА ПРЫГАЕТ И РВЕТ КОГ-
ТЯМИ КОЖУ НА ТЕЛЕ РОУНА. МАЛЬЧИК ВЗМАХИВАЕТ МЕЧОМ И РАНИТ ЛАПУ
ПУМЫ. ПУМА ВПИВАЕТСЯ РОУНУ В ГОРЛО, ОН, ОКРОВАВЛЕННЫЙ, ВАЛИТСЯ НА
ТРАВУ.**

«НЕ ОТСТУПАЙ», – ГОВОРИТ ПУМА.

«НО ТОГДА Я ТЕБЯ УБЬЮ», – ШЕПЧЕТ РОУН.

«ТЫ ДОЛЖЕН ДЕЛАТЬ ТО, ЧТО НЕОБХОДИМО. ПОПРОБУЙ ЕЩЕ РАЗ».

**КРОВЬ РОУНА ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ТЕЛО, РАНА ЗАТЯГИВАЕТСЯ. ОН ВСТАЕТ,
СЖИМАЯ МЕЧ В РУКЕ. ПУМА ВНОВЬ ВЗЛЕТАЕТ В ПРЫЖКЕ.**

Это видение посещало его много раз. Роун научился бить сильно и быстро, уклоняясь от клыков и когтей мощного животного и падая на землю. Мальчик никогда не применял эти обретенные в видениях навыки на занятиях с братом Волком, но, храня их в секрете от учителя, очень переживал. Он надеялся, что настанет день, когда он сможет ему полностью доверять,

и тогда, думал он, брат Волк узнает, каких высот мастерства достиг его ученик. Он мечтал увидеть в этот момент удивление и восхищение на лице учителя.

Каждый день после обеда Роун учился рисовать песком под руководством брата Жало. Теперь он занимался этим с радостью, но опыт обрелся с большим трудом. Поначалу у него не хватало терпения часами сидеть, скрестив ноги, и сыпать в ячейку по несколько песчинок. Полностью сконцентрироваться на работе мешало одолевавшее его беспокойство, он мысленно возвращался к жуткой Огненной Дыре, к той секунде, когда ручонка сестры выскользнула из его ладони, или к схваткам с являвшейся к нему в видениях пумой. В такие моменты либо воронка выскакивала из руки, либо красновато-бурый песок сыпался не туда, куда надо, и тогда брат Жало сурово и пристально смотрел на него исподлобья.

Но как-то раз, когда Роун пытался сосредоточиться на падавших песчинках, в кармане у него зашебуршился снежный сверчок. Мальчик так удивился, что чуть не выронил воронку. Но что-то вдруг изменилось – на него снизошла странная умиротворенность, взгляд застыл на кончике воронки. Когда он слегка коснулся ее пальцем, высыпалось немного песка, и, к своему удивлению, Роун теперь четко различал каждую песчинку в отдельности. Ему даже показалось, что песчинки стали крупнее, он видел их настолько отчетливо, будто они застыли в воздухе. У него возникло ощущение, как будто впервые в жизни он не просто смотрит, но *видит*. Когда в конце дня прозвучал колокол, возвестивший конец занятий, Роун был поражен – три часа пролетели, как ему показалось, за пять минут. Брат Жало взглянул на него с неким подобием улыбки на лице, и с тех пор он взял Роуна под свое крыло и стал давать ему советы о том, как следует совершенствовать навыки сосредоточенности и концентрации внимания. Брат Жало не любил проявлять свои чувства, но теперь Роун ощущал, что учитель относится к нему с душевной теплотой.

Обычно после окончания занятий по рисованию песком Роун с удовольствием проводил несколько часов с братом Аспидом. Его сдержанность и интерес к чтению чем-то напоминали Роуну мужчин Негасимого Света. Со временем Роун привязался к нему сильнее, чем к другим братьям.

Святой распорядился, чтобы Роун читал книгу его отца про обеззараживание земель брату Аспиду, и тот слушал его с неизменным интересом.

– Мальчик мой, это судьба нам тебя послала! Под нашим присмотром и другие смогут воспользоваться теми знаниями, которые мы получили благодаря тебе.

Аспид, казалось, был слишком добр и кроток по сравнению с другими братьями. Он стал брать Роуна с собой в поросшие кустарником земли, где они вместе искали целебные растения, и эти совместные походы позволили мальчику лучше узнать районы, раскинувшиеся рядом с лагерем братьев, и получить общее представление о том, что лежит за их пределами.

Но его отпускали только на те территории, которые были под властью Братства, и постепенно он стал чувствовать себя как узник в темнице.

* * *

В один из солнечных дней Роун разрисовывал песчинками картину. Впервые за все время, прошедшее после гибели Негасимого Света, он ощущал редкое спокойствие и был целиком поглощен своим занятием. Воздух был напоен благоуханием цветущих растений, сверчок спокойно стрекотал в кармане, но эта идиллия неожиданно разрушилась, потому что мальчика вызвал к себе Святой.

Когда Святой не принимал участия в торговых экспедициях, а оставался в лагере, Роун видел его часто, а по вечерам тот всегда приглашал его вместе поужинать и почитать вслух до наступления ночи. Все прошедшие месяцы они читали только историю империи Цинь. Эта книга завораживала Святого, он просил Роуна по несколько раз перечитывать ему отдельные

главы, стараясь лучше запомнить их содержание. С помощью камушков и грубо составленных карт они воссоздавали разыгрывавшиеся сражения, описанные в книге, а потом проводили разбор ошибок, допущенных побежденными. Роун с удивлением заметил, что и ему эти игры доставляют удовольствие. Он оказался изобретательным стратегом, который умело разворачивает войска, предугадывает направление атак противника и сам неожиданно наносит им сокрушительные удары.

Подходя к шатру Святого, Роун вспомнил, как однажды вечером, проведя продуманные маневры, он уничтожил половину «армии» Святого, а тот лишь удивленно качал головой.

– Где ты научился этому? В книге об этом ничего не сказано.

– Я играл с отцом в шахматы, – сказал ему Роун. – Наши игры не многим от них отличаются.

Святой рассмеялся.

– Только тем, что эти камушки обозначают людей. Людей, которые погибли под предводительством Цинь. Людей, которые могли сложить головы и под моим началом.

Роун молчал, признавая справедливость такого утверждения. Он помогал Святому овладевать тактикой военных действий, направленной на победу над противником, на убийство врагов – живых людей.

Но хотя целью их игры и было убийство, она все равно ему нравилась, он хотел ее продолжать и был уверен, что сегодня обязательно одолеет противника.

– Ты посылал за мной, брат? – спросил Роун, войдя в шатер Пророка.

– Сегодня мы заканчиваем сагу об императоре Цинь, – объявил Святой, вручая Роуну книгу. Роуну не верилось, что этот момент наконец настал. Он дочитал повествование до последней страницы, закрыл книгу и вздохнул.

Святой склонился над ковром, заточивая длинный меч. Потом повернулся к Роуну.

– Прочитай-ка мне еще разок главу о строительстве Великой стены, – сказал он.

Роун вздрогнул.

– Я думал, ты уже ее запомнил.

– Запомнил. Но мне нравится следить за выражением твоего лица, когда ты ее читаешь.

Святой поднялся, взял меч и стал им медленно размахивать в воздухе. Какой же он был огромный! Никто, казалось, не сможет его сокрушить. Опустив меч и подойдя ближе к Роуну, он негромко и доверительно сказал:

– Если бы Цинь не заставил свой народ выстроить стену и в страну ворвались кочевники, страдания его подданных были бы еще ужаснее... Как думаешь?

– Может быть, – согласился Роун.

– Он действовал в интересах своего народа. Без мощной обороны там бы все погибли. Тебе это должно быть понятно лучше, чем кому бы то ни было.

Роун молча с горечью слушал эти слова.

– Он был умным и хитрым человеком, – сказал Святой.

Роун не согласился:

– Тогда почему же он повелел сжечь все книги, зачем приказывал заживо хоронить ученых, зачем заставлял людей работать над возведением стены до полного истощения, так что они умирали тысячами?

– Повелители Города делают то же самое! Тебе ясно?

– Я знаю, что они вели войны и побеждали.

– Именно так. Как и император Цинь, захватив власть, они действовали без колебаний. Надо лишь искоренить инакомыслие и уничтожить мыслителей – и можно легко контролировать все население. Поэтому они закрыли школы, сожгли книги и убили всех людей, обладавших знаниями, которые не были направлены на упрочение их власти. Вот в чем кроется истинная причина того, что никто не умеет читать и мы живем в таком хаосе.

Святой похлопал Роуна по плечу.

– Но полностью свет учения им загасить не удалось. Пойдем со мной, пора тебе немного расправить крылышки. Сейчас мы с тобой поедem на Лысую Гору.

Он дал Роуну куртку из козьей кожи, и они вышли из шатра к небольшому помещению, расположенному за ним. Святой откинул полог из промасленного брезента и выкатил оттуда мотоцикл. Роун сел на заднее сиденье, двигатель затарахтел, и они и с ревом выехали с территории лагеря.

Когда он в первый раз вез Роуна на мотоцикле, мальчик был без сознания. Теперь он смотрел по сторонам во все глаза, от порывов ветра и мелькавших перед глазами картин у него закружилась голова. Святой держал путь на Лысую Гору, поднимаясь по пологой тропе, еле видневшейся сквозь траву и низкорослые кусты. Росший здесь когда-то лес давно погиб, но там и сям Роун видел над буйно разросшимися сорняками трухлявые пни, оставшиеся от некогда могучих деревьев. Все здесь поросло ползучей лозой, от укола ее черных шипов на коже возникали гноящиеся смертельные раны.

Роун со Святым слезли с мотоцикла на небольшом плоскогорье высоко на Лысой Горе.

– Если перемахнуть через гору и затем пересечь долину, мы окажемся на землях Пустоши, – хмуро сказал Святой.

– Мне доводилось слышать рассказы о том, что там случилось. Те земли все еще заражены?

– Не знаю. Никто оттуда не возвращался, потому и рассказать об этом некому.

Святой провел Роуна до края обрыва. Перед ними раскинулось тянувшееся до горизонта необозримое пространство. Он указал на реку, петлявшую на протяжении многих миль. По всем этим землям были разбросаны небольшие селения.

– По этой стороне реки от самой горы и дальше на равнине все – и поселки, и люди, в общем, каждая травинка – находится под защитой Друга.

– А по другую ее сторону?

– Та часть Дальних Земель принадлежит бандитам, насильникам и наемным убийцам – Клану Ли. Дальше к югу раскинулся Фандор, бандиты которого самые безумные и кровавые из всех. Три других предводителя, из которых один ужаснее другого, властвуют на землях, которые отсюда не видны. Всем им нужно лишь одно – дань и трофеи. Кто-то из них разорил Негасимый Свет.

Роун глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться, но жар, сжигавший его изнутри, не утихал.

– Мне надо знать, кто именно это сделал!

Его огромный спутник лишь сурово ухмыльнулся.

Перед мысленным взором Роуна проносились жуткие картины – воин в красной маске, вырывающий Стоув из его объятий, разрушенные ворота Негасимого Света, осколки битой посуды, кости, плавающие в Огненной Дыре. Воспоминания переполняли его, вызывая о мщении, Роуна даже передернуло. Он смотрел вниз на раскинувшуюся до горизонта долину и вдруг осознал заветную мечту Святого:

– Ты хочешь их всех покорить...

– Друг учит нас, что мы должны положить предел хаосу. Это значит, что надо сосредоточить центральную власть в руках одного правителя. Мой долг – сделать так, чтобы этим правителем стал Друг. То, что ты с нами, огромное подспорье для решения этой задачи, потому что ты способен черпать знания из книг. Знание дает нам тайное оружие – стратегию, а также представление о тактике наших врагов. Теперь нам не составит большого труда покорить других предводителей. История Цинь и наши игры навели меня на некоторые интересные соображения. Но главная трудность заключается во взятии Города. Ибо Город наш главный враг, он источник того зла, которое всем несет беду. Именно в нем кроется причина разрушения Негасимого Света.

– И в чем же эта причина?

Святой не сводил глаз с раскинувшейся внизу панорамы.

– У меня нет пока ответа на этот вопрос, но я его найду, обещаю. Город забирает себе, что ему нужно, а остальное разрушает. Ни один из кланов сам по себе не посмел бы уничтожить Негасимый Свет. Такого не может быть. Некоторые племена они порабощают, других грабят, но людей оставляют в живых, чтоб им было с кого брать дань.

– Ты думаешь, бандиты и убийцы действовали по указке Города?

– Дальние Земли ненавидят Город за то, что он хочет их подчинить. Город никогда не мог полностью покорить эти земли в ходе войн, но пытается довести до конца дело, начатое в незапамятные времена. Пока существует Город, никто из нас не может себя чувствовать в безопасности.

– А мотоцикл свой ты разве достал не в Городе? И горючее к нему? И шатры?

Святой усмехнулся.

– Мы торгуем с Городом. У нас нет выбора – он контролирует все производство. Мы получаем там многие вещи, это правда, но и узнаем необходимые сведения о том, как он устроен, выявляем его слабости. Когда вырисовывается полная картина, приходит понимание. И последняя наша битва состоится именно с Городом.

– Как же отряд в семьдесят пять человек сможет одолеть огромный Город?

Странное отсутствующее выражение отразилось на лице Святого, как будто мысленно он витал где-то в дальних далях.

– Я стоял здесь, Роун, на этом самом месте, когда это случилось.

– Когда случилось – что?

– Я пришел сюда в отчаянии, чувствовал свое полное бессилие перед могуществом и жестокостью Города. Мы все в Дальних Землях были разрозненными, потерянными жертвами ничтожных предводителей, которые непрестанно воевали друг с другом. Оказавшись здесь, я был готов покончить с этим, я ненавидел все вокруг. Будто меч мой был направлен мне в сердце, будто меня ослепило белое пламя ярости. И в тот момент я увидел его – Друга! Он возник из пламени и сказал мне, что я должен делать: создать армию по образу его. Освободить людей именем его. Он обещал мне, что в назначенный день я поведу его народ к победе над Городом.

– Это случилось во сне?

– Видишь там эти селения? В них живут тысячи людей, которые видят истину Друга. Когда настанет время, они будут готовы к нам присоединиться. Если бы это случилось во сне, в их жизни ничего бы не изменилось. Трагедия Негасимого Света состояла в том, что твои соплеменники были уничтожены до того, как смогли подняться на битву.

– Не думаю, что они бы на нее поднялись.

– Не важно. Мне нужен лишь ты. Он хотел, чтобы я нашел тебя, невзирая ни на какие преграды и опасности.

– О каких опасностях ты говоришь?

Святой не ответил.

– Все великие деяния сопряжены с огромным риском – такова природа вещей. Другу ведомо, что даже при всей той поддержке, которую я имею, у меня недостаточно сил одолеть врага.

– Ты сильнее всех, кого мне доводилось знать.

Святой обернулся. Взгляд его затуманился.

– Я рос как животное, Роун, на все был готов, чтобы выжить. Никто меня ничему не учил. Перед тем как мне явился Друг, я был хуже дикого зверя. Это Друг возвысил меня, создал из меня Пророка. Но мне все еще недостает мудрости. И потому он указал мне путь к тебе. С

твоими знаниями, с твоим крепнущим мастерством в боевых искусствах, все теперь кажется возможным.

– А если я откажусь сражаться?

– Негасимый Свет был жестоко уничтожен. Неужели ты допустишь, чтобы смерть твоих соплеменников осталась неотомщенной?

Роуна прошиб леденящий озноб, он не мог говорить.

– Это все противоречит воспитанию, которое ты получил. Но в словах моих заключена истина. Я же вижу, что ты только и думаешь, как бы наказать убийц твоих родителей, на твоём лице написан стыд за это наваждение, но оно постоянно тебя гложет. Не надо стыдиться, Роун, что ты готов постоять за правое дело. Просто ты еще не научился разбираться в тайнах собственного разума, своей души, своих талантов. Ты хочешь одолеть стремления собственного духа и становишься от этого слабее. Поддайся своим порывам, и станешь неодолимой для других силой. Я счел бы за честь сражаться на твоей стороне.

«Почему я так ему нужен для битвы с Городом? – пронеслось в голове Роуна. – Какая угроза кроется здесь для Святого?»

Святой прервал его размышления:

– У тебя есть сверчок. Роун вздрогнул.

– Откуда ты знаешь?

– Брат Волк сказал мне, что он сверчит во время занятий.

– Надо же, а мне казалось, что шум там стоит такой, что сверчка услышать невозможно.

– Не недооценивай брата Волка! Можно мне на него взглянуть?

Роун открыл карман. Сверчок лежал без движения. У Святого глаза сузились в щелки.

– Снежный сверчок...

– Ты видел таких раньше?

– Изредка. Но в кармане – никогда. И он позволяет тебе носить себя вот так, в кармане?

– Он делает все, что захочет.

– Он выбрал тебя?

– Понятия не имею.

Святой покачал головой.

– Роун из Негасимого Света, ты что-то скрываешь от меня!

– Да нет же, это не так...

Святой улыбнулся и повернулся к нему спиной. Пора было возвращаться.

С горы они неслись как на крыльях, в лицо бил такой сильный ветер, что Роун укрылся за спиной Святого. Когда они съехали вниз на равнину, Святой остановился и сошел с мотоцикла.

– Теперь веди ты, – сказал он Роуну.

– Шutiшь?

– Мне что, повторить?

Роун, не говоря ни слова, сел на водительское место. Святой объяснил ему, на какие надо нажимать педали, как работает ручное управление и переключение скоростей, как надо разгоняться и тормозить.

– Ну, давай, попробуй проехаться.

Роун осторожно прибавил газ и медленно выжал рычаг сцепления. Мотоцикл так резко рванул вперед, что он чуть с него не свалился.

– Переключай передачу!

Машина дернулась, Роуна подбросило на сиденье. Он поддал газа, двигатель взревел и заглушил смех Святого. Мотоцикл чуть не взлетел, устремившись вперед.

Машина набирала скорость. Когда она пошла плавно, Роун снова переключил передачу, прибавил газ и понесся по дороге. Когда он сам сидел за рулем, ветер, казалось, бьет в лицо не

так сильно. Он стал повелителем волшебного двухколесного коня, слушавшегося каждого его движения, он рычал и неслись вперед, будто хотел взмыть в воздух.

Проносясь мимо валунов и кустарника, Роун опомнился, что оставил Святого далеко позади.

На плоском глинистом пяточке у дороги он развернулся, подняв облако пыли, и погнал назад. Святой ждал его возвращения на том же месте. Только тут Роун осознал, что он даже не попытался скрыться.

* * *

Когда Роун и Святой вернулись в лагерь, солнце уже склонилось к закату. Не обращая внимания на удивленные взгляды братьев и ухмылку Ворона, Святой ссадил Роуна и уехал куда-то по своим делам.

Не успел он скрыться из вида, как Поваренок позвал Роуна в шатер, служивший всем столовой.

– Первое вино в этом сезоне – пришло время снять пробу! – сказал он, налил им по стаканчику вина из одуванчиков, прилично пролив при этом на стол.

– Я так понимаю, ты уже попробовался, – заметил Роун.

– Должен был убедиться, что вино дошло до кондиции. Подумал, что золотой мальчик будет следующим в очереди.

– Золотой мальчик?

– Твое здоровье, – сказал Поваренок, опрокинув еще стаканчик.

Роун попробовал вино.

– Сладкое. Удалось на славу.

Поваренок нахмурился и плюхнулся на стул.

– Я уже одурел от этого вина, и от стряпни одурел, все мне опостылело.

– Ты пьян.

Поваренок покачал головой.

– Я не такой, как ты. И не из какого-то селения сюда пришел. И родителей у меня не было, которые бы холили меня и лелеяли.

– А что случилось с твоими родителями?

– Надеюсь, они померли.

– Нельзя так говорить!

– Ничегошеньки ты в этом не понимаешь... Угадай, что сделали мои родители, когда мне исполнилось десять лет? Продали меня фермеру в батраки. – Поваренок хлебнул еще вина. – А фермер тот был отъявленным негодяем... Нас у него было шестеро. Он всех заставлял гнуть на него спину от зари до зари. Когда третий из нас заболел и помер, я от него дал деру.

– Так ты попал сюда?

– Не сразу. Тот день, когда меня здесь приняли адептом, стал самым счастливым в моей жизни. Как будто случилось невозможное, понимаешь? – Он взял бутылку и плеснул себе еще вина. – Но толку им от меня никакого. Я на коне скакать не могу, сражаться не умею. Даже картины из песка рисовать не научился. Вот мне и сказали кашеварить. – Он уставился на Роуна мутным взором. – Хотел бы я быть таким, как ты.

С этими словами Поваренок опустил голову на стол и захрапел. Роун убрал бутылку со стаканами. Он вдруг подумал, что, наверное, у каждого из тех, кто попал в этот лагерь, была своя жуткая история, какое-то трагическое событие в жизни, которое их сюда привело. «Может быть, не так это и плохо, что я здесь оказался, – подумал он. – По крайней мере, я не один».

РАЗДАЧА ДАРОВ

*БЫЛ ОРУЖЕЙНИК У ПРОРОКА,
МЕЧИ ПРОРОКУ ОН КОВАЛ.
И КАК-ТО РАЗ ЕМУ ПРИСНИЛОСЬ,
КАК БУДТО БЫ РОГА
ВЕЛИКОГО БЫКА
УПАЛИ ПРЕД ЕГО НОГАМИ
ДВУМЯ СКРЕЩЕННЫМИ СЕРПАМИ.
КОГДА ВИДЕНЬЕ ПРОЯСНИЛОСЬ,
ОН ПОНЯЛ, ЧТО В ЕГО ОРУЖЬЕ
ТАИЛОСЬ ОБЕЩАНЬЕ МИРА.
КНИГА НАРОДА НЕГАСИМОГО СВЕТА*

Лесная земляника, которая буйно цвела на южном краю лагеря, дала первый летний урожай. При каждом удобном случае Роун бегал собирать сладкие ягоды – его излюбленное лакомство.

– Ты их поглощаешь с такой скоростью, будто завтра все кончится...

Роун с набитым ртом улыбнулся брату Аспиду:

– Как знать...

Брат Аспид рассмеялся в ответ.

– У меня есть для тебя кое-что еще... – Он протянул Роуну резной музыкальный инструмент. – Я нашел это в одном селении. Вот и подумал, может, и тебе для разнообразия сыграть что-нибудь твоему сверчку?

Роун взял подарок, ощутив вдруг благоговейный трепет. Прошло уже восемь месяцев с тех пор, как он видел что-то похожее на эту флейту. По мастерству отделки она могла соперничать с изделиями мастеров Негасимого Света. У него мелькнула мысль, что он недостойн такого дара.

– В чем дело, Роун?

– Брат Аспид, а как ты встретился с Другом?

– Меня привела к нему работа. Друг дал мне удобное для жизни пристанище, и я смог лучше служить страждущим. А теперь, благодаря Другу, и ты к нам присоединился. То, что ты мне прочитал, твой опыт, обретенный в Негасимом Свете, позволят мне теперь делать людям еще больше добра.

Брат Аспид улыбнулся и ушел. Роун, оставшись в одиночестве, взял инструмент. Дружеские чувства, которые испытывал к нему брат Аспид, вызывали у Роуна неловкость, потому что он уже начал готовиться к тому, чтобы покинуть и это место, и этих людей. Своих братьев.

* * *

Роун уже начал привыкать к жизни в лагере, когда как-то вечером за ужином услышал голос старушки-козочки:

«ПОЛОЖИ ЕГО В КАРМАН».

Роун решил, что старушка стоит где-то рядом. Потом с опаской огляделся, пытаясь понять, видел или слышал ли ее кто-то еще из братьев, но все продолжали жевать как ни в чем не бывало.

«ПОЛОЖИ СУШЕНОЕ МЯСО В КАРМАН – СКАЗАЛА СТАРУШКА-КОЗОЧКА. – НАЧНИ СОБИРАТЬ ЕДУ ВПРОК. ОНА ТЕБЕ ПОНАДОБИТСЯ, КОГДА УЙДЕШЬ ОТСЮДА. НО ПОМНИ – БРАТЬ НАДО ПОНЕМНОГУ, А ТО ЛЮДИ ЗАМЕТЯТ».

Роун хотел было ей возразить, но старушка уже исчезла.

Он хотел сказать ей, что ему здесь нравится. И шатер его нравится, и беседы с братом Аспидом, и занятия с братом Жало и братом Волком. Святой к нему относится как к сыну. Братья заботятся о нем, ценят его. С их помощью он надеялся отомстить за Негасимый Свет и даже отыскать Стоув. Если не брать в расчет брата Ворона, которого он недолюбливал, место это было совсем неплохим для жизни. С чего бы это ему отсюда уходить?

Но, с другой стороны, размышлял Роун, если он подготовится к уходу, вреда это никому не принесет. И незаметно положил немного сушеного мяса в карман. С этого дня после каждой трапезы он пополнял свой тайный запас.

* * *

Дни становились длиннее, и тренировки с братом Волком все больше усложнялись. Он подстегивал Роуна, работая с ним более жестко, чем с другими. Несмотря на жару, Роун выдерживал любой темп, который навязывал ему Волк. В тот день поставленные задачи были особенно сложными, и Роун работал на пределе сил.

– Удивительная выносливость! Ты делаешь большие успехи, Роун.

– Спасибо тебе, брат Волк.

– Ты уже овладел некоторыми самыми сложными приемами, но у тебя еще есть запас скорости и силы.

– Постараюсь исправиться, брат Волк, – полушутя ответил ему Роун, но ему стало немного не по себе: его тайные тренировки давали слишком явные результаты.

Волк протянул ему какой-то предмет, обернутый в тряпицу.

– Это поможет тебе добиться еще больших успехов.

Роун взял дар, развернул ткань – под ней лежал легкий и прекрасно сбалансированный меч-секач.

– Это мне? – спросил Роун, ошеломленный невероятной ценностью подарка.

– Мой отец никогда не был воином, он работал кузнецом-оружейником, и в этом ремесле ему не было равных. Он выковал два таких меча – они совершенно одинаковы и по форме, и по прочности. Один, сказал он, предназначен мне, а второй – моему лучшему ученику. Я обучаю людей военному искусству уже много лет, и этот меч по праву принадлежит тебе.

– Это большая честь для меня, – сказал Роун и склонил голову.

– Ты ее заслужил, – ответил брат Волк и ушел, не сказав больше ни слова.

Роун несколько раз взмахнул мечом в воздухе. Меч-секач был как бы продолжением его руки. Но радость мальчика омрачилась, когда к нему подошел брат Ворон – единственный человек, вызывавший в нем неприязнь и чем-то пугающий.

Настроение Роуна всегда поднималось, когда Ворона не было поблизости – временами он куда-то исчезал и не объявлялся несколько дней. Каждую неделю конные братья во главе с братом Вороном привозили свежие фрукты и овощи. Провизии было так много, что на разгрузку ее уходило около часа. Часть привезенного шла им в пищу, но основную долю припасов – зерно, горох, помидоры, огурцы, груши, абрикосы и многое другое – братья под надзором Поваренка куда-то уносили. Такое невероятное изобилие Роуна озадачивало: неужели столько продуктов и вправду им отдавали добровольно, как говорил брат Ворон, «их друзья и сторонники»?

– Прекрасный меч, – сказал брат Ворон, отвлекая Роуна от упражнений. – Должно быть, это замечательное оружие брата Волка.

– Так оно и есть.

– Ну что ж, – ответил брат Ворон, бросив ему желтое яблоко. – Вот тебе еще один подарок, Роун! Замечательное яблоко!

Роун поймал его на лету и поднес к носу, вдыхая чудесный аромат. Такие же желтые яблоки выращивали в Негасимом Свете. Запах был ему очень хорошо знаком – может быть, это яблоко из их сада? Неужели? Что об этом известно Ворону?

Роун поднял взгляд и увидел, что Ворон пристально за ним наблюдает.

– Ты, наверное, думаешь сейчас, откуда это яблоко?

Стараясь скрыть свои мысли, Роун откусил первое в этом году яблоко. В последний раз он съел яблоко, когда мама дала ему несколько штук, чтобы он поделился со Стоув и друзьями. Роун вспомнил, как они с Эйденем побежали с фруктами прямо к Большому Дуплу, а следом с криками и смехом их догоняли Стоув с остальными. На вершине дерева Роун с Эйденем сделали вид, что собираются съесть все сами, а Стоув истошно вопила, пока они каждому не раздали по яблоку. Он вспомнил, как сестра и Эйден смеялись, а по их подбородкам тек яблочный сок... Чувство глубокой печали пронзило Роуна.

Он уставился на яблоко, которое дал ему Ворон, соображая, откусить еще кусочек или нет. А брат Ворон смотрел на него так, будто насмехался. Но откуда ему знать, какие мысли бередили Роуну душу?

Напряжение немного спало, когда раздался голос брата Жало:

– Тебя ждут на собрании Пятерых.

Роун вздрогнул, поймав на себе взгляд брата Жало. Может быть, кто-то нашел его тайник с едой или Ворон подсмотрел, что он занимается тайными ночными тренировками? Интересно, какое его ждет наказание?

Но подойдя к берегу ручья, где его ждали Волк, Аспид и Святой, Роун понял, что причина приглашения была совсем другой.

– Пришло время делать выбор, – торжественно проговорил Святой.

Брат Волк скосил на него проницательный взгляд.

– Ты готов к началу посвящения в Сообщество друзей?

Брат Аспид спросил:

– Ты хочешь к нам присоединиться?

Роун взглянул на брата Ворона, который хитровато ухмылялся. На какой-то момент его охватили сомнения, потом он посмотрел на бескорыстного брата Аспида, брата Волка, под угрюмой личиной которого билось великодушное сердце, на брата Жало, такого проницательного и требовательного, и на Святого, относившегося к нему лучше, чем к кому бы то ни было.

Братья сидели в гробовом молчании. До Роуна донесся ясный и уверенный голос старушки-козочки:

«ОТБРОСЬ СОМНЕНИЯ. ЭТО ТВОЕ ПРИЗВАНИЕ».

Воодушевленный ее словами, Роун твердо ответил:

– Я сочту это за честь.

Все встали. Роун оглянулся и увидел, что на церемонию пришли многие братья. Святой положил руки на плечи Роуна и гордо кивнул.

– Его посвящение начинается! – громко объявил он братьям, которые возвели руки к небу, – Во имя Друга!

– Теперь тебе надо поститься, – сказал брат Волк.

Брат Жало бросил на Роуна ясный взгляд:

– Не расслабляйся.

– Я очень тобой горжусь, – сказал брат Аспид, похлопав Роуна по плечу.

Брат Ворон, оскалив гнилые зубы, просто подмигнул ему.

Роун выслушал их пожелания, всех поблагодарил, потом, извинившись, сказал, что ему надо возвращаться к исполнению своих обязанностей.

* * *

Стоял полдень дня полнолуния, и Роуну не терпелось заняться рисованием песком. Рисунок был уже наполовину закончен, и центральный образ обрел полную четкость. На нем был изображен Друг с горящими глазами и могучими руками. Была видна и голова быка, рогами упиравшегося в тело Друга. Трудно было себе представить, что этот замечательный рисунок сделан на камне песчинками. Искусство художников было поразительным. Роун не мог дождаться, когда картина будет закончена.

– Картошечки поесть не хочешь? – подскочил к нему Поваренок.

– Нет, спасибо, я сейчас не ем. Мне надо поститься.

– Картошечка – пальчики оближешь. На углях запекал.

Тон Поваренка был дружеским, но Роун понял, что он чем-то озабочен.

– У тебя что-то случилось, Поваренок?

– Теперь, мне кажется, ты счастлив.

– Да, счастлив.

– А ты понимаешь, что, как только станешь членом Братства и узнаешь его секреты, путь обратно для тебя будет закрыт? Друзья никогда не дадут тебе уйти. Это – навсегда.

– Ничто не вечно.

– Да как сказать... Одни приходят, другие уходят...

– О чем это ты?

Губы Поваренка растянулись в вымученной улыбке.

– Не бери в голову, это просто слова из какого-то стишка. – Он протянул руку, чтобы обменяться с Роуном рукопожатием. – Поздравляю тебя. Ты это заслужил.

В неестественной улыбке Поваренка было что-то настораживающее, и пока Роун пытался понять, что кроется за этими словами, тот, понуриив голову, заковылял прочь. Брат Ворон открыто наблюдал за ними из рощицы неподалеку. Что он надеялся увидеть? Роун уже собрался было пойти и выяснить отношения, но тут к нему подошли несколько братьев, чтобы поздравить его с посвящением.

Когда с востока стала всходить огромная луна, Роун работал с братом Аспидом в кузнице. Там ковали оружие и всякие инструменты. Роун держал в кузнечных щипцах кусок раскаленного докрасна металла, а брат Аспид бил его молотом, расплющивая и придавая форму лопаты. Когда работа была закончена, брат Аспид с озабоченным видом повернулся к Роуну.

– Тебя что-то тревожит...

– Я слышал, как кто-то из братьев говорил, что после того, как я соглашусь начать инициацию... – Роун тщательно подбирал слова.

Брат Аспид отхлебнул воды из фляги и протянул ее Роуну.

– Все очень рады, что ты решил стать одним из нас.

– Что значит: «Одни приходят, другие уходят»?

– Это строка из текста нашего основного учения. Первым посвященным был Друг. В одном из последних его испытаний ему надо было сразить быка. Мы произносим эти слова – «Одни приходят, другие уходят» – как благословение новому посвященному.

– Сдается мне, на благословение они не похожи.

– Это, наверное, потому, что слова вырваны из контекста.

– Может быть, – ответил Роун, решив больше к этой теме не возвращаться.

– Тебе нечего опасаться, Роун из Негасимого Света.

Но впервые слова брата Аспида его не убедили.

* * *

Незадолго до рассвета Роун почувствовал, что его кто-то тормозит. Он с трудом раскрыл глаза и в ореоле света неяркого фонаря увидел расплывшееся в улыбке лицо брата Жало.

– Настало время первого испытания в ходе твоей инициации, Роун.

Он взял кусок ткани и наложил повязку Роуну на глаза. Дрожащего, ничего не видящего и совершенно не ориентирующегося мальчика брат Жало вывел из шатра на прохладный воздух. Роун шел вперед с вытянутыми перед собой руками, босой, иногда спотыкаясь о выбоины и колдобины. Через какое-то время он услышал шум воды и понял, что они подошли к ручью. Шум усиливался, значит, они двигались в направлении горы, с которой стекал ручей.

Со временем шум превратился в мощный рокот, перекрывая который прозвучал голос брата Жало:

– Сначала мир был ничем... Потом раскололась огромная каменная глыба и родился Друг... Он поднял завесу тьмы, и стало можно видеть...

В этот момент с глаз спала ткань, и Роун чуть не ослеп от сияния восходящего солнца. Он повернулся и увидел, что позади стоят все семьдесят пять братьев. Водопад, дававший начало ручью, срывался с утеса, находившегося совсем рядом. К обеим рукам Роуна привязали веревки, концы которых держали братья. Они подвели его к водопаду, потом потянули за веревки, широко раскинув ему руки, и толкнули его в мощные струи потока. Перед тем как уйти под воду, Роун изловчился вдохнуть полной грудью. Вода обрушивалась ему на голову и плечи, но он не сгибался под ее напором. Проходили минута за минутой, но Роун сдерживал дыхание и заставлял себя не поддаваться панике. В конце концов от недостатка воздуха у него закружилась голова, и мощные струи падавшей сверху воды сбили его с ног. Внезапно натяжение веревок ослабло, и он упал на колени. Напрягая последние силы, он высунулся из-под воды и стал судорожно дышать.

Братья развязали ему руки. Святой склонился над ним, держа в руках длинный сверкающий меч.

– Любовь его озарит мир, – сказал Пророк, – а клинок его освободит!

Святой вытянул левую руку, покрытую белыми шрамами, и сделал еще один надрез между двумя из них, из раны пошла кровь. Потом взял мокрую руку Роуна, сделал на ней такой же надрез и поднес к нему свою руку так, чтобы капавшая из надреза кровь смешалась с кровью Роуна.

– Мы – братья! Навеки. Все хором повторили:

– Братья. Навеки.

Каждый брат один за другим прижимал свою руку к руке Роуна – шрам к его открытой ране, и говорил: «Мы – братья».

Когда это сделали все семьдесят пять мужчин, Святой вручил Роуну меч.

– Его клинок освободит мир. Мы служим Другу. Ему вторили семьдесят пять голосов:

– Его клинок освободит мир. Мы служим Другу. Роун почувствовал, как его поднимают десять рук, а Пятеро стояли кругом и взирали на происходящее, улыбаясь.

Святой пристально смотрел прямо в глаза Роуна.

– Друг приветствует тебя.

– Добро пожаловать! – подбадривая его, кричали все.

Никогда еще никто так не чествовал Роуна.

«ОНИ ХОТЯТ, ЧТОБЫ ТЫ ПОЧУВСТВОВАЛ СВОЮ СИЛУ».

Он ощутил ни с чем не сравнимый головокружительный восторг.

«ОНИ ХОТЯТ, ЧТОБ ТЫ ПРОНИКСЯ ИХ ЛЮБОВЬЮ».

Братья пожимали ему руку, похлопывали по спине, обнимали его, а Роун светился восторгом и счастьем.

«А САМ ТЫ ЧТО ЧУВСТВУЕШЬ? НЕУЖЕЛИ ЭТО ВСЕ НЕ СОН?»

Роун увидел сидевшую на берегу крысу из своих видений.

«КТО ЭТОТ ДРУГ? КТО ЭТИ БРАТЬЯ?»

Роун взглянул на своих новых братьев. На берегу увидел Поваренка, который ревниво за ним наблюдал и улыбался через силу. Ворон по обыкновению скалил зубы, пристально разглядывая тело Роуна, как будто соображая, куда лучше всадить нож. Святой – гордый и ликующий – был преисполнен таинственной значительностью.

Действительно, хотя Роун и пробыл здесь довольно долго, он почти ничего не знал об этих людях.

«НЕТ, НИЧЕГО-ТО ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ».

Обратно братья несли Роуна вдоль ручья на плечах. Восторг его стихал. Все их поздравления и приветствия казались ему теперь никчемными. Они вошли в шатер для трапез, чтобы отпраздновать это событие печеными яйцами, свежими соками и мясными блюдами. Все это время Роун улыбался и кивал братьям, отвечая на поздравления и пожелания. Но угощение показалось ему пресным.

ЗЛАТОКУДРАЯ ЖЕНЩИНА

*ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРОРОКА
ОКУТАНО ГЛУБОКОЙ ТАЙНОЙ –
ОН В МИР ПРИШЕЛ НАШ НЕ СЛУЧАЙНО.
ЕГО НЕ ЖЕНЩИНА РОЖАЛА –
ЛЬДА ХОЛОД С ПЛАМЕНЕМ СМЕШАЛО,
И ОН ВОЗНИК В МГНОВЕНЬЕ ОКА.
ЛЕД ЗАКАЛИЛ В НЕМ КРЕПОСТЬ СТАЛИ,
ЧТОБЫ ВРАГИ ВСЕ В БИТВАХ ПАЛИ.
А ПЛАМЯ ОН ВДОХНУЛ В РАБОВ,
ОСВОБОЖДЕННЫХ ИЗ ОКОВ.
ИСТОРИЯ ДРУГА В ИЗЛОЖЕНИИ ОРИНА*

Нам надо поговорить. Роун решил сбросить завесу тайны с невнятных замечаний Поваренка и выяснить, почему тот темнит.

– О чем? – пробормотал Поваренок, делая вид, что всецело поглощен нарезкой капусты для супа.

– Что ты имел в виду, когда сказал: «Одни приходят, другие уходят»?

– Это благословение такое, – парнишка попытался отвязаться от Роуна. – Так говорят всем новообращенным.

Услышав звук мотоцикла, Поваренок взял свой кочан капусты и ушел в шатер.

Двигатель мотоцикла продолжал работать на холостых оборотах. Святой махнул Роуну рукой, приглашая его подойти.

– У тебя что, с этим парнем какие-то дела? – спросил Святой.

– Да нет, ничего особенного, – ответил Роун.

– Ну и ладно. Тогда я хочу показать тебе кое-что особенное.

Роун сел на заднее сиденье, и они понеслись вниз по дороге, которая вывела их на плодородную равнину. Они проезжали мимо земель, на которых работали упитанные фермеры. Люди им улыбались и махали Святому руками. Он отвечал им, тоже поднимая руку в знак приветствия.

– Вон, видишь? – прокричал Святой, перекрывая вой ветра.

Он указал на большой участок земли, засеянный растениями, о которых Роун рассказывал брату Аспиду.

– Благодаря тебе мы восстановим все эти земли!

Роун смотрел на поля с чувством радостного удовлетворения. Фермеры сажали те растения, описания которых он нашел в книге по восстановлению плодородия земель. Его отец мог бы им гордиться.

* * *

Святой тем временем ехал все дальше и наконец затормозил перед воротами селения. Окружавшие его стены были укреплены странно расплюснутыми металлическими бочками, частями старых автомобилей и листовым железом. На дозорной вышке стояла женщина с рыжими длинными распущенными волосами. Она заметила их и широко улыбнулась, а потом засунула в рот пальцы и пронзительно свистнула. Ворота распахнулись, и Святой с Роуном въехали в поселок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.